

Наталья Нестерова

Школа
для толстушек

Женщине
надо очень хорошо
подумать, прежде
чем завоевать мужчину, —
пленного надо кормить!

Наталья Нестерова

Школа для толстушек

«Издательство АСТ»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Нестерова Н.

Школа для толстушек / Н. Нестерова — «Издательство АСТ»,

ISBN 978-5-17-111731-3

Они совершенно разные, у каждой свои проблемы и радости. Единственная отрада Ксюши – ее собаки. Полине изменил обожаемый муж. Ирина – умница, образцовая мать и жена – влюбилась в плейбоя. Но однажды пути трех толстушек пересекаются в удивительном доме, по праву заслужившем прозвище Санаторий для влюбленных. Отныне их общая страсть – воспитание вундеркинда Левы, собачьей своры и борьба с излишним весом. Три женщины сказочным образом преображаются, но это не последний сюрприз, который приготовила им четвертая подруга – судьба...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-111731-3

© Нестерова Н.
© Издательство АСТ

Содержание

Часть первая	5
Глава первая,	5
Звонок в дверь	5
История любви ксюши к костик	11
Глава вторая,	15
Одна сторона медали	15
Другая сторона медали	18
Глава третья,	24
Игра природы	24
Тайная страсть ирины	28
Глава четвертая,	32
Разговор по душам	32
Медицинские страсти	36
Глава пятая,	41
Тайны подземелья	41
Индекс массы тела	44
Глава шестая,	48
Родительские огрехи	48
Уроки вождения	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Наталья Нестерова

Школа для толстушек

Часть первая

Курсы похудения

Глава первая,

в которой Ксюша становится богатой

наследницей и швыряется миллионами

Звонок в дверь

Золотой дождь, просыпавшийся на Ксюшину голову, был ей не нужен. Вот если бы лет двадцать назад, когда она, старшеклассница, обливаясь слезами, штопала последние колготки, а потом косолапила, выворачивая ногу, чтобы спрятать постыдный шов... Или десять лет назад, когда из куска жилистой говядины готовила для семьи первое, второе и... нет, компот все-таки варила из сухофруктов. Молочные смеси дочери просеивала через мелкое ситечко – у Катеньки был диатез от сахара. Чай пили с этим отсеянным сахаром. Напиток приобретал нездоровый цвет ваксы, разбавленной зубным порошком.

Нынче Ксюша сносно зарабатывала, а две ее проблемы лишние деньги решить не могли, скорее усиливали. Проблема первая – неукротимо растущая масса тела. Проблема вторая – влечение к алкоголю.

В то утро, когда Ксюшина жизнь резко изменилась, пробуждение было традиционным – с похмелья. Голова у Ксюши не болела, но совесть отчаянно страдала. Зачем опять напилась? Песни горланила на кухне, разговаривала сама с собой, хохотала – противно вспомнить. Стыдно. Никто не видел, а стыдно.

Ксюша приоткрыла глаза – семейство на месте, разлеглось вокруг тахты. Черный терьер Сара, ризеншнауцер Дуня и кокерспаниель Лиза. У Дуниного живота копошатся восемь двухмесячных щенков – последний выводок. По паспортам элитные собаки носили длинные многоступенчатые имена, но откликались на простые женские.

Изменившегося дыхания Ксюши и легкого дрожания ресниц оказалось достаточно, чтобы свора ущучила – хозяйка проснулась. Сара вскочила и носом забралась под одеяло в поисках Ксюшиных ступней. Каждое утро Сара демонстрировала свою любовь способом для собаки нисколько не унижительным – вожаденно лизала хозяйке пятки. Эту привилегию Сара, главная в стае, прочно удерживала за собой и другим распускать языки не позволяла. Дуня принялась складывать Ксюше на лицо комнатные тапочки: мол, вставай, хватит валяться! Лиза кружила по комнате. Щенки встали на задние лапы, передние положили на край тахты, радостно тявкали и дергали обрубочками купированных хвостов.

– Пошли вон! – Ксюша брыкалась, натягивая на голову одеяло. – Уйдите! Я сплю!

Не тут-то было. По утрам команды не выполнялись – собаки считали, что Ксюша с ними играет, и удваивали рвение. Захваченная щенками простыня стала выползать из-под Ксюши, Сара и Дуня вели подкопы под одеяло и тыкались влажными холодными носами одна в Ксюшины ноги, другая – в шею. Лиза пыталась добраться до хозяйки по спинам подруг.

– Сволочи! Паршивки! – ругалась Ксюша. – Дайте поспать.

Собак отогнал звонок в дверь. Стая с лаем понеслась в прихожую.

Кто бы это мог быть? Клиенты (Ксюша зарабатывала не только разведением собак, но и их стрижкой, триммингом) к ней не ходят, записываются по телефону, и она выезжает к ним на дом. Родственников у нее нет, друзей тоже. Кто бы ни трезвонил – пусть катится к черту.

Упорный, звонит и звонит. Опять соседи будут жаловаться на собачий лай. Ксюша встала, натянула халат – маловат, зараза, спереди не сходится. Тапочек только один. Значит, Дунька с другим в зубах рванула.

– Фу! Молчать! – приказала она собакам. – Я кому сказала!

Ксюша потрясла для убедительности кулаком. Лай перешел в угрожающее рычание. Собаки присели. Напряженные, готовые к нападению.

Ксюша открыла дверь на ширину цепочки. В щель разглядела молодого человека в распахнутом светлом плаще, под плащом видны шелковое кашне, белоснежный воротник рубашки и стильный галстук.

– Вы Ксения Георгиевна Самодурова?

– Ну! Что нужно?

– Вы должны поехать со мной. Это связано с делами вашего мужа, Константина Александровича.

– Передайте ему – пусть сдохнет!

Ксюша хотела захлопнуть дверь, но визитер проворно подставил ногу и нажал. Это он напрасно сделал. Цепочка держалась на честном слове и вылетела из косяка вместе с деревянными щепками. Дверь ударила Ксюшу по лбу, она отлетела назад, а из-за ее спины прыгнули собаки. Нужно обладать большой смелостью, чтобы выдержать их натиск. Ризеншнауцер Дуня, с челкой, закрывающей глаза, торчащими ушами и бородой, походит на черта, вставшего на четыре лапы. Сара, черный терьер, – экстерьер почти тот же, но в два раза крупнее, с тельца размером. Лиза, палевая длинношерстная красавица, отличалась брехливостью, то есть оглушительным лаем.

Ксюша машинально отметила, что щенки правильно копируют поведение взрослых собак, – отличное проявление породы. Молодого человека загнали в угол лестничной площадки. В своем замечательном плаще он оседлал сломанный и облитый помоями люк мусоропровода. Верещит не хуже Лизки. Хотя собаки на него не бросились, в полуметре застыли.

– Уберите их! Перестреляю! Всех ваших... собак как собак перестреляю!

Здорово он струхнул. И действительно, полез под мышку за пистолетом. Стал им размахивать. Пистолет в десять утра и с похмелья – несуразица, как детская игрушка, не страшно.

– Не маши руками, идиот! – Ксюше приходилось кричать сквозь лай. – Сиди тихо!

Но он не внял голосу разума, принялся резко водить рукой с пистолетом из стороны в сторону. Ксюша успела поймать за ошейники Сару и Дуньку. Лиза и щенки, вцепившиеся в брюки бандита, не в счет.

Силы, необходимой, чтобы удержать двух больших, рвущихся к добыче собак, у Ксюши не было. Но имелось почти девяносто килограммов живого веса. Она откинулась назад, зависла в метре от земли. Сара и Дуня, поднятые на задние лапы с перехваченными глотками, кашляли, хрипели, рвались вперед. Ксюша крепко держалась за ошейники.

– Быстро уходи! – крикнула Ксюша из центра живой композиции под названием «Женщина в одной тапочке и в распахнутом халате удерживает злобных псов».

Жалобно тьякнули сброшенные с ног бандита Лиза и щенки. Сверкая телом сквозь порванные брючины, бандит затрусил вниз по лестнице.

Ксюша не торопилась вернуться из полумостика в вертикальное положение. Вернее, не могла. Отпустить ошейники нельзя – хлопнешься затылком о каменный пол. И собаки встать на четыре лапы, отжать ее вес, не могут.

– Мария Гавриловна! – завопила Ксюша. Соседская дверь тут же открылась.

– Ушел грабитель? – высунула нос Мария Гавриловна, ярая противница служебного и декоративного собаководства.

– Ушел. – Ксюша вывернула голову. Ноги у нее дрожали от напряжения, спина затекла. – Пожалуйста, подтолкните меня!

Мария Гавриловна подлезла к Ксюше под спину, уперлась двумя руками, ножку отставила и что есть мочи толкнула. Живая скульптура рассыпалась – человек и собаки приняли исходное положение.

Ксюша ожидала, что соседка-пенсионерка станет привычно костерить животных и их хозяйку. Но вышло наоборот.

– Лизонька, Дунечка, щеночки какие хорошенькие! Мария Гавриловна не только помнила имена собак, но решила их погладить:

– Сарочка! Хоть и еврейка, а умница! Ксения! Твои собаки нас спасли. Если бы не они, этот гад нас бы всех ограбил, из пистолета пострелял и даже ссильничал, гарантирую. Участкового звать будем? Нет? Правильно! Я им косточки теперь оставлять стану. Голубушки!

У Ксюши мерзла нога, но она не торопилась прощаться с соседкой. Нечаянная удача: теперь Мария Гавриловна перестанет жаловаться в ЖЭК и в мэрию.

Когда Ксюша наконец вернулась домой, она тоже похвалила собак, потрепала их по холкам:

– Молодцы, девочки!

Ее девочки вряд ли смогли нанести тяжелые увечья бандиту. Испугать до полусмерти им в удовольствие. А загрызть человека – не то воспитание.

Бандит попался на редкость упрямый. Позвонил по телефону:

– Ксения Георгиевна! Я вас жду в машине внизу. Вы обязательно должны поехать со мной.

Она не стала отвечать, швырнула трубку на рычаг и выдернула телефонную вилку из розетки. Вымылась под душем, ступню пришлось пемзой драить. Волосы, единственное, что осталось от бывшей красоты, феном высушила. Даже неумехи из ближайшей дешевой парикмахерской не испортили Ксюшиной шевелюры. Как уродливо ни подстригут, густые русые волосы ложатся красивыми волнами.

Собаки сидели на кухне в ожидании кормежки, Ксюша загремела кастрюлями и мисками. Они с места не двинулись, но пустили длинные, до пола, слюни. Только хозяйка решила – можно, – рванули с места и в две секунды очистили миски. Теперь щенки. Старших Ксюша выгнала за дверь. Достала приготовленный с вечера кальцинированный творог – в четыре литра теплого цельного молока добавляется три ложки хлористого кальция и доводится почти до кипения, молоко сворачивается в творог. На второй завтрак щенкам мясной фарш, на обед рыба, на полдник каша, на ужин омлет. Старших только вечером покормит, обычной едой – сваренным на мясном бульоне геркулесом с овощами. А сейчас нужно дать щенкам витамины, рыбий жир и по таблетке глюканата кальция.

Сара, Лиза и Дуня заняли пост в прихожей – пора на прогулку. Ксюша обулась в старенькие кроссовки, надела куртку. Остальную часть туалета составляли широкие спортивные брюки на резинках вокруг щиколоток и безразмерная линялая футболка.

У подъезда стояла иномарка – автомобиль с затемненными стеклами. При появлении Ксюши с тремя собаками (Сара и Дуня на поводках, Лиза свободна) в машине требовательно засигналили. Ксюша не обратила внимания. Дернула за поводки, направляя собак по привычному маршруту на пустырь.

Когда они возвращались, машина тронулась с места, преградила им путь. Плавное поехало вниз темное стекло со стороны водителя. Физиономия давешнего бандита. Перекошена от злости, но слова цедит вежливо:

– Ксения Георгиевна! То, что вы пожелали своему мужу, случилось. Он сдо... умер. Необходимо решить имущественные проблемы. Пожалуйста, поедemте со мной! Это в ваших интересах.

– Костик умер? – деловито уточнила Ксюша.

– Две недели назад.

Тень скорби не пробежала по Ксюшину лицу, но и радостью оно не осветилось. Только неприкрытая злость вспыхнула.

– Отбросил копыта, сволочь!

Бандит ухмыльнулся. Презрения заслуживали и самодур покойник, и его вдова, толстая дурында.

– Я вас убедительно прошу сесть в машину. – Он кивнул на заднее сиденье.

– Ладно, – согласилась Ксюша. – Отведу собак и спущусь.

Подранный собаками бандит вел машину молча и нахально. Он объезжал автомобильные пробки по тротуарам, опасно подрезал другие авто и не обращал внимания на светофоры. Совсем как Костик, тот в жизни не стоял ни в одной очереди. Локтями народ растолкает, к прилавку пробьется и свое получит. А Ксюша треть жизни в очередях провела.

У нее начался второй период похмелья, когда злость на себя саму перетекает в обиду на весь мир и даже загробных его представителей. Ксюша желала Костику тысячи самых мучительных смертей. А он, гад, взял и умер! Отомстил! Сам теперь на том свете в белых тапках, а она здесь терзайся. Накаркала! В мысленном препирательстве с мужем она желала ему хорошенько поджариться в аду. Костик победно улыбался и заявлял, что специально с ней не развёлся. Пусть теперь всякая мразь вдовой ее обзывает.

– Вот тебе! – вслух сказала Ксюша и показала фигу затылку водителя.

От неожиданности тот едва не нажал на тормоз. Чокнутая! Определенно чокнутая! Правильно, что предупредил начальство по телефону: везет сдвинутую по фазе крейзи, готовьтесь.

Второй период у Ксюши обычно длится до семи вечера, когда снова приходит желание выпить, подружиться с миром, погрузиться в эйфорию хмельного «как бы все в порядке и даже замечательно в моей жизни».

Ни отреставрированный особняк в центре Москвы, ни многочисленная охрана, ни коридоры, холлы и просторная приемная, оборудованные с нарочито дорогой простотой, ни секретарша, прыгнувшая с подиума конкурса красоты, не произвели на Ксюшу впечатления. Все это были декорации из фильма, а она, Ксюша, в артистки не собиралась.

Секретарша защебетала приветствия, а потом уверения в глубоком соболезновании.

– Хватит сопли распускать! – грубо перебила Ксюша. – Какого лешего меня сюда притащили?

Секретарше стоило большого труда выдавить вежливую улыбку. Она распахнула дверь в кабинет:

– Прошу вас!

Из-за стола поднялся и двинулся навстречу Ксюше гладко выбритый-вымытый-благоухающий, закованный в дорогой костюм с деланой улыбкой молодой человек. Стекла его узеньких модных очков слегка блеснули, а лакированная бровь дернулась при виде Ксюшиного наряда (она не стала переодеваться) и рваных брюк сопровождающего.

В дверце полированного шкафа, как в зеркале, Ксюша увидела отражение секретарши за своей спиной. Девица скорчила физиономию, одной рукой показывала на Ксюшу, а другой крутила у виска.

Хозяин кабинета едва заметно кивнул секретарше и протянул Ксюше обе руки.

– Ксения Георгиевна! – пропел он. Так общаются с детьми и умственно отсталыми. От объятий Ксюша уклонилась (во дает!), но руку ее он захватил, затряс. – К сожалению, мы с вами не знакомы. Я вообще только узнал о вашем существовании. А Костя! – Херувимчик отпустил

ее руку, свои молитвенно прижал к груди. – Он был моим лучшим другом! Формально он – начальник, я заместитель. Но нас связывали истинно товарищеские отношения.

Ксюша усмехнулась. Спектакль перед ней разыгрывает. За дурочку принимает. Сам, наверное, и пришил Костика.

– Что же это я? Вы присаживайтесь, вот сюда, в кресло. Удобно? Свет не мешает? Может, штору задвинуть? Чай, кофе? А давайте по русскому обычаю, помянем? – Он оглянулся на секретаршу: – Быстро все накрыть. Ах, ведь я забыл представиться. Кирилл Сергеевич Наветов. Прошу если не любить, то хотя бы жаловать.

Смазливая секретарша принесла два подноса с тарелками, бутылками и рюмками, поставила на журнальный столик.

Наветов перехватил жадный и одновременно сомневающийся (до семи вечера далеко) взгляд, который Ксюша бросила на бутылку с коньяком.

– Надо, надо, – приговаривал он, разливая коньяк, – обычай требует. Ну! Вечная память! Пусть земля будет пухом Косте Самодурову!

И поперхнулся, услышав Ксюшино напутствие:

– Туда ему и дорога!

Ксюша позавтракать не успела, да и пить без закуски себе не позволяла. Взяла белый хлеб, обильно намазала его сырным маслом, сверху положила ветчину, три кружочка сырокопченой колбасы, два варено-копченой, длинный ломтик маринованного огурчика, веточку петрушки – и все закрыла еще одним куском хлеба. Принялась жевать.

Наветов только пригубил коньяк. Покусывал кружок лимона и наблюдал за уплетающей большой бутерброд Ксюшей. Он видел толстую неопрятную бабу, прожорливую любительницу поддать. Как мог Костик на такой жениться? Разве только с тюремной голодухи. Впрочем, окажись она современной волчицей, Наветову бы туго пришлось. А эту клушу он в два счета вокруг пальца обведет.

– Еще по одной. – Он разлил коньяк. – Извините великодушно, Ксения Георгиевна, что поздно нашли вас. Костю похоронили две недели назад. Не волнуйтесь – по высшему разряду. Есть видеопленка, мы вам обязательно дадим. Ну, не чокаясь, до дна, за Костика.

После второй рюмки Ксюша сделала себе рыбный бутерброд – с лососем, семгой, стерлядкой и осетром. В хамском поедании угощений она находила злое удовольствие. Лощеный хмырь думает, что он хитрый и ловкий. А перед ним сидит глупая толстушка, непонятным образом когда-то женившая на себе красавца Костика. Думает, втереть ей очки труда не составит. Пусть попробует.

– Бог любит троицу. – Наветов снова наполнил Ксюшину рюмку. – Теперь – за вас! Пусть вам, дорогая Ксения Георгиевна, сопутствует удача и много, много денег!

Он протянул к ней рюмку, чтобы чокнуться. Не получилось. Ксюша демонстративно отправила содержимое своей в рот. Втянула носом воздух, энергично выдохнула и принялась за пирожные. Под действием коньяка Ксюшина злость подтаяла. Ей даже стало жалко Костика, который в расцвете тридцати семи лет сыграл в ящик. Ксюша энергично и громко высморкалась в бумажную салфетку – слезы навернулись.

– Пристрелили? – спросила она.

Наветов изобразил притворную скорбь и молча развел руками: что, мол, поделаешь. Ксюша без приглашения взяла бутылку, налила в свою рюмку и залпом выпила. Подождала секунду и спросила:

– Что вам от меня надо?

– Видите ли, – затараторил Наветов, – вы оказались единственной наследницей Самодурова. Не бог весть какое богатство. Экспорт леса и еще всякая мелочишка. В последнее время дела шли не блестяще, за фирмой долги. Не буду вам морочить голову, Ксения Георгиевна, хочу сделать выгодное предложение. Вы продаете мне акции, а я вам, – он выдержал эффект-

ную паузу, палец поднял, привлекая внимание, – я вам пятьдесят тысяч долларов! Наличными или на счет в любой банк. Сбербанк, например? Очень хорошие деньги! Себе в убыток, но фирма мне дорога. В смысле – сердцу.

– Нет! – буркнула Ксюша, оглядывая стол и соображая, что бы еще съесть.

Пусто. На тарелках сиротливо чахнут листочки салата. На них еще недавно лежали колбаса и рыба. От пирожных остались только крошки. А закусить надо. Чувствует, что опьянела. Ксюша собрала листья салата и стала их жевать – как корова или коза. Наветов изо всех сил старался не показывать виду, что его шокируют манеры вдовы.

Эта бабища – крайне неприятный сюрприз. Знай Наветов прежде о ее существовании, он бы совершенно иначе повел игру. Например, сладкую парочку, Красавчика и его супругу, одновременно отправил в райские кущи или к черту в пекло под траурный марш Шопена. Но если они по очереди станут поселяться на том свете, к его большой выгоде, только дурак не догадается, кто музыку заказывал. Зарубежные партнеры легкий запах криминала переносят, а зловония чураются. Сложная многоходовка, задуманная Наветовым еще при жизни Самодурова, рассыпалась как карточный домик. Бумаги, которым еще вчера цены не было, сегодня превратились в прах. Из-за этой, чтоб она сдохла, прямой наследницы.

Ксюша не посягала на грязные Костиковы деньги. Переживет без клок шерсти с поганой овцы. Но сообщить об этом прямо не подумала.

– Как понимать ваш отказ? – удивился Наветов.

– Как хотите, – вяло отозвалась Ксюша.

Наветов не мог допустить мысли, что кто-то добровольно откажется от большой суммы. Единственное объяснение – торгуется.

– Сколько вы хотите? – спросил он.

– В десять раз больше.

Ксюша брякнула от балды, чтобы отвязался. И оторопела от его быстрой реакции:

– Согласен!

Пятьдесят тысяч, конечно, грязные деньги. Но умножить на десять... пятьсот тысяч – они гораздо светлее выглядят. Хмель вмиг слетел с Ксюши. Она пыталась вспомнить, сколько в цифре нулей и сколько породистых щенков по сто долларов каждый вмещается в эту сумму.

– О чем вы задумались? Вы готовы сейчас подписать бумаги? Я приглашаю юриста? – Вопросы из Наветова так и посыпались.

Ксюша понимала, что затребовала мало (во привалило!). С Костиком они разделались, и ее пришить могут. Недавно в сериале видела – там из-за акций народ как зайцев стреляли...

– Ну вот что, господин Наветов! – Она медленно и тщательно вытерла салфеткой пальцы и губы. – В отличие от проходимца Костика, у меня есть завещание. Наследники – двенадцать двоюродных братьев и сестер.

Ксюша врала: завещания у нее не было, а единственного двоюродного брата, живущего в Забайкалье, она никогда не видела.

– Ясно выражаюсь? – Она вылила себе остатки кофе из серебряного кофейника. – Второе. За мной остается пять процентов акций.

Это тоже из сериала. Там хорошему герою настойчиво советовали не расставаться со всем пакетом. У Костика наверняка было сто процентов – не из тех он, чтобы делиться.

– У вас девяносто пять, – цитировала Ксюша мыльную оперу, – у меня пять с правом продажи только вам. Устраивает? Хорошо. С вами свяжутся мои юристы, – она поднялась и направилась к двери, – с ними бумаги и подготовите.

«Мои юристы» – прозвучало! У толстой распустехи в старой куртке и спортивных штанах, в каких даже шпана уже не щеголяет, свои юристы!

Но они появились. Гораздо быстрее, чем ожидал Наветов. И не какие-нибудь самодельные, а высокопрофессиональные, из солидной фирмы. Наветов неприятно удивился.

У Ксюши друзей не было, но среди клиентов каких только профессий не наблюдалось. Бакс – свирепый эрдель семейной пары юристов – трепетал перед Ксюшей. До нее собаку стригли по шесть часов, с двумя намордниками и носом, перетянутым ремнями. Ксюша, только Бакс пасть разинул, засунула ему кулак в глотку, придавила гортань: будешь выкаблучиваться или поведешь себя как хороший мальчик? Шелковый стал. Два часа по нему машинкой возишь – только с ноги на ногу переминается. А в конце ее награду – поджаренные сухарики – принимает с благодарным визгом, как бифштексы сырые от юристов не берет. Славный пес. Цены бы ему не было, если бы хозяева твердость проявили, не потакали. На Ксюшу, собачьего парикмахера, они молились. И без уговоров взялись оформить ей наследство.

Вечером Ксюша устроила поминки по усопшему мужу. И так напоминалась, что на следующий день собаки до полудня не могли ее с кровати стащить.

История любви ксюши к костик

Ксюше было одиннадцать лет, когда в их 4-м «Б» появился новенький мальчик, Костя Самодуров. Все девчонки мгновенно в него влюбились, а Ксюша – нет. Она Костика вдохнула в себя, как вдыхают отравляющее вещество и на всю жизнь остаются инвалидами. Костик был замечательно красив. Пушистые ресницы вокруг больших карих глаз со слегка поддернутыми кверху уголками – вроде кошачьих, хищных. Тоненький правильный носик, выпуклые, словно обиженные, губы и персиковая кожа на щеках. Он был красив по-девчоночьи, но вел себя как заправский хулиган. От этого сочетания кукольной смазливости и мальчишеской лихости девичьи сердца таяли и кипели маслом на сковородке.

Костик учился плохо, но вызывал симпатию даже у преподавателей, в подавляющем большинстве женщин. Они многое ему прощали, только пальчиком грозили и умиленно (ах ты, милашка, проказник) журили за то, за что другим спуску не давали.

Ксюшина тайная внутренняя жизнь распалась на две части. В одной kloкотало нежное чувство к Костику, в другой поселился страх, что это чувство кто-то заметит. Она стала нарочито грубой, употребляла выражения, подхваченные у пьяниц на улице. Ее замкнутость и девичье поведение объясняли тем, что Ксюша растет без материнского участия. Но отец Ксюши, мягкий и добрый человек (с ним она оставалась прежней), не верил слухам, будто дочь сквернословит и ведет себя вызывающе. Свою любовь Ксюша и от отца скрывала. Прячала под матрасом тайный алтарь в виде папки, где хранились три украденных фото Костика, его записка «Сашка гад верни трешку глаз на задницу натян», клочок его волос, подобранный после драки, и листочек из дневника со сплошными красными двойками. Здесь же находился ее девичий альбом с вырезанными из журналов фото красоток и красавцев и душещипательными стихами про несчастную любовь. Ксюша днями рисовала орнаменты и узоры по краям листочков со стихами и тосковала по Костику. Подруг у нее не было, потому что ненавидела всех, кто все трепал имя ее кумира: «А Костик с Танькой на чердаке обжимался. Галка ему записку любовную написала. Он с Ирккой на каток ходил. Со Светкой вечером в подъезде стоял». Ксюше хотелось всех Танек, Ирок, Галок кислотой облить.

Шесть лет – до последнего десятого класса – Костик Ксюшу не замечал. Не подозревал, что ее качает на волнах любви: то вниз пойдет, она немножко его забудет, в пионерлагере с другим мальчиком подружится; то девятым валом поднимет от какой-нибудь небрежно брошенной им фразы, вроде «здоровский у тебя портфель» – всё, ночами не спит, подушку слезами орошает.

В выпускном классе Ксюша вдруг стала пользоваться популярностью. Мальчишки обратили на нее внимание по подсказке учителя-практиканта. После Ксюшиного ответа у доски практикант, не скрывая восхищения, произнес:

– Строение углеродов вы знаете на тройку, но у меня рука не поднимается поставить такой красавице меньше четверки.

И пошло-поехало. То, что раньше называлось «тормознутая, себе на уме», превратилось в «загадочная», «жиртрест» обернулся «ой, какими формами!». Ксюша похудела и выросла за то лето сразу на пять сантиметров. Волосы потемнели и одновременно выгорели на солнце, стали каштаново-рыжими, почти как у английского сеттера. Зеленые глаза, не еловые, а цвета листьев розы, в обрамлении черных ресниц казались подведенными карандашом, хотя косметикой Ксюша не пользовалась. Тяжеловатый подбородок не портил правильного овала лица, да и мелкие прыщи и угри наконец сошли. Даже нос, прежде заметно курносый, точно выпрямился, а бесформенные губы приобрели границы с легкой припухлостью по контуру.

Период ее примадонства оказался очень коротким, потому что Костик быстро отодвинул в сторону остальных ребят и заявил о своем единоличном владении Ксюшей.

Ни о каких институтах-техникумах, экзаменах-книжках речи теперь не шло. В Ксюшиной голове словно вентилятор крутился, выдувая все мысли, не связанные с Костилом и его желаниями.

Ксюша выросла с отцом – мама умерла рано. Отец работал кинологом. Ксюша с детства любила и понимала собак. А Костик их терпеть не мог. И из дома исчезли старые верные псы. Костик нигде не работал, Ксюша отдавала ему большую часть своей зарплаты дворника на автозаправочной станции. Отец пытался вразумить ее, открыть глаза «на ничтожного проходимца». Ксюша возненавидела отца, и он уехал из дома. Жил при собачьем питомнике за городом.

В армию Костику не забрали, потому что он угодил в тюрьму. На пять лет. Потом будет говорить – по экономическому делу. Старика адмирала ограбить – называется «экономическое дело». Ксюшу на бензоколонке повысили – до кассира. Хорошо, сама за решеткой не оказалась, ведь воровали безбожно, между собой кормилицу-станцию звали «Водолей». Ксюша деньги тратила на посылки Костику. Ездил к нему в Коми АССР на свидания. После освобождения поженились. Ее счастью не было предела.

Говорят: вода камень точит. Известняк она быстро разрушит, с гранитом повоюет, а Ксюшина любовь была что Курская магнитная аномалия, сплошь из железа. Как только Костик над ней не измывался – все прощала. По заду ее двинет: «У, корова, отрастила корму. Такие только черномазым нравятся» – это он шутит. Напьется и ночью измучает ее выкрутасами – так ведь в журнале написано, что между любящими мужчиной и женщиной не может быть постыдного в сексе.

От большой любви Ксюша научилась слушать Костику, не слушая. Он говорит – она любит, но в смысл его слов не вникает. Потому что говорит он всегда одно и то же и не очень справедливое: все кругом идиоты, дураки, сволочи, а он – самый умный и ловкий. Бог, царь, пуп земли и воинский начальник – вот кем видел себя Костик. Его любовное чувство к самому себе было похлеще Ксюшиной африканской страсти. И фамилия ему досталась говорящая – Самодуров. Предки, видать, тоже скромностью не отличались.

На рождение дочери Катеньки муж отреагировал вяло. Упрекнул: «Сына не смогла!» У Ксюши и тут оправдание для него нашлось: мужчины к младенцам часто равнодушны, отцовские чувства у них потом просыпаются. Сама она пребывала на седьмом небе от счастья. Тосковала без щенков – веселых сгустков беззаботной энергии. Но никакие щенки не могли сравниться с радостью и восторгом, какие дарила маленькая доченька.

Жили они очень бедно, хотя Костик уже подался в бизнес. Чтобы держать марку, ему требовались дорогие костюмы, ботинки, пальто, дубленки. От Ксюшиной стряпни нос воротил, для имиджа по ресторанам питался. А она на макароны налегала. И все верила, верила в свою счастливую планиду. От каждого доброго Костиного слова хмелела (спиртного она тогда в

рот не брала). Говоря по-научному, въелся в нее Костик на генном уровне. И извлечь его из Ксюшиной башки можно было лишь путем трепанации черепа.

Только то, что он устроил, хуже любой трепанации оказалось.

В три годика Катенька была загляденье девочка. Все лучшее от родителей взяла – папины глазищи, мамины кудряшки. А смышленная, а потешная! Щебечет – как ручеек журчит. Костик дочерью загордился, денег подбрасывал на ее наряды, с собой часто брал – хвастался. Ксюша его уговаривала: «Не разрешай ей по машине ползать с заднего на переднее сиденье, купи стульчик специальный, пристегивай». Он отмахивался. Доотмахивался. Врезался на полной скорости лоб в лоб с другой машиной. Дочка через переднее стекло вылетела, прямо под колеса самосвала. Костик шишкой отделался да легким сотрясением, а от доченьки только ножки остались – в белых гольфиках с розовой оборочкой.

Ксюша в психушку попала. Ей там уколы кололи и таблетками пичкали, магнитные волны через голову пропускали. Но даже в больнице, сквозь сумеречное сознание, она чувствовала – простит Костика. Приголубит он ее, пожалеет – и простит она дочкину смерть. Да и что прощать, когда прав Костик – она сама во всем виновата. В чем конкретно – не объяснить, но ее вина не имела границ, как бесконечность.

Выписалась из больницы, домой вернулась Ксюша не до конца психически здоровой. Соображение у нее точно замедлилось. Смотрит на веник или чайник в руки берет – и не может сразу вспомнить, для чего эти предметы служат. На улицу страшилась выходить, с людьми разговаривать. Один свет в окошке – Костик. Цеплялась за него как за соломинку. А он и был не надежнее соломинки. Пропадал на работе, дома ночевал не каждую ночь, трезвый обращался точно с прислугой, пьяный – куражился. Толстопузой мымрой обзывал, говорил: «Крыша съехала, не поправишь». Тогда Ксюша пить и начала. В алкогольном дурмане пусть короткое, но забвение находила.

На задворках сознания билась мысль, что катится она в пропасть. Но было не страшно: чего бояться, когда пропасть вокруг – и позади, и впереди. Природа заставляла ее дышать, питаться, двигать ногами, выполнять домашнюю работу, а смысла все это не имело. Только в подпитии мрак рассеивался, губы растягивались в улыбке – мечты о счастливой жизни с доченькой и мужем становились почти реальными, осязаемыми.

Ксюшино падение остановилось у гроба отца. Она смотрела на его неузнаваемые, заострившиеся черты и с ужасом понимала, что исковеркала не только свою, но и жизнь отца – единственного родного человека. Ради Ксюши он научился варить каши и утюжить ее платица, ставить ей банки и горчичники во время болезни, пришивать белые воротники и манжеты к школьной форме, плести косички и завязывать банты. Он покорился ее бунту, когда вздумал жениться, а Ксюша в истерику: нам с тобой чужие тетеньки не нужны! Он хотел, чтобы дочь поступила в институт, получила образование, а она пошла в дворники. Он пытался раскрыть ей глаза на ничтожество ее избранника – Ксюша выгнала отца из дома. Он не проклял дочь, хотя имел полное право. И Ксюша уже никогда не извинится перед ним, не скрасит его жизнь теплом и заботой. Поздно!

Немногочисленные приятели Ксюшиного отца удивленно переглядывались. Дочь годами не показывалась, а тут от гроба не оттащить. Плакать не плачет, но держит покойника за плечи и смотрит на него безумными глазами, словно ждет, что он ей скажет.

Ксюша действительно страстно желала услышать прощение, или напутствие, или совет, или ласковое слово. Она судорожно сжимала пальцами каменно холодные плечи отца. Была бы возможность вдохнуть в него жизнь, отдать остатки своей – она бы ни секунды не задумывалась.

Ей вдруг послышался легкий свист. Наверное, от колоссального напряжения стало мерещиться. Отец всегда насвистывал, когда работал. Мертвое лицо будто подернулось туманом,

и Ксюша увидела живое – родное и надежное лицо отца. Он мажет ей, ревушей в три ручья, сбитые коленки зеленкой и приговаривает:

– До свадьбы заживет. Без падений не научишься бегать. Не поднимешься, если не падала. Эх ты, рева-корова! Из-за пустяковой царапинки нюни распустила.

– А-а-а! – верещит Ксюша, одновременно маленькая девочка и настоящая, взрослая. – Ты не знаешь, как мне больно! Ты не знаешь, что я пережила!

– Что же теперь? – спокойно спрашивает отец.

– Не знаю, – бормочет Ксюша.

Отец стоит у порога. Когда много лет назад он уходил, на коврик у дверей показал:

– Тряпкой не будь, о которую ноги вытирают!

После похорон Ксюша другим человеком стала. Вино пить не бросила, но от любовного угара похмелье наступило, жестокое и злое. Ничего, оказывается, Ксюша Костику не простила – ни детских обид, ни взрослых. До поры до времени загоняла их в подвалы любящей души, а теперь поплыли они оттуда мутным потоком. И ее железная аномалия стала быстро ржаветь. Двадцать лет любила, в год возненавидела.

Сначала огрызалась на его выходки, потом орать стала. Он руки распустил, она за нож схватилась – зарежу! Костик оценил – правда зарежет. Странное дело – зауважал Ксюшу, подругому смотреть стал, даже лебезил.

Она с детства умела обращаться с собаками – животными удивительной преданности и абсолютной любви к человеку. Но именно очеловечивать собаку нельзя. Это не ребенок, не маленький человечек – животное. Строгость, порядок, отшлифованные рефлексy собаке во благо. Счастье для нее – отлично выполненная команда. Заслуженное наказание – свидетельство гармонии мира. Упорные тренировки – гордость высшего образования.

Неужели и с мужчиной (человеком!) нужно было поступать так же? Особачить его?

Впрочем, как нужно было поступать с Костиком, Ксюшу более не волновало. Муж вызывал у нее стойкое отвращение. Костика она прогнала: уйди по-хорошему, пока я тебя ночью подушкой не накрыла, очень хочется. Свой заветный алтарь, включая девичий альбом и фотографии мужа, сожгла в мойке на кухне. Завела собак и пять лет слышать не слышала о Костике.

Глава вторая, в которой Полина делает страшное открытие и мужественно готовится в последний путь

Одна сторона медали

Счастливое детство Полина провела в подмосковном городе Реутово. О ее родителях несколько раз писала местная газета и один раз центральная. У папы наград не было, а у мамы – медали. Мать-героиня – двенадцать детей. Хотя знакомые шутили, именно отцу следует дать орден за производительность. Во дворе их дразнили баптистами, потому что баптистам вроде бы вера предписывает рожать сколько получится. Но родители Полины в секты не ходили и были в меру православными, то есть детей крестили, а на Пасху пекли куличи и красили яйца. С какой целью они неустанно плодились, не понимали ни соседи, ни знакомые, ни дети, ни, похоже, сами родители. Один корреспондент задал маме каверзный вопрос:

– Что вами движет?

Она вспыхнула смущенно и попеняла:

– Как не стыдно о таком спрашивать!

В статье потом было написано, что ею движет большая любовь и стремление дать жизнь новому человеку и гражданину великой страны. А папины слова про то, что после пятого число детей роли не играет, вообще не упоминались. Ему приписывалось высказывание, которое он бы в жизни не выговорил: «Каждая личность уникальна в своей неповторимости и священна в праве на бытие, как сказал великий философ».

Папе с его двумя работами и вечно беременной маме было не до философии. Только успевали поворачиваться, чтобы орду напоить, накормить, одеть мало-мальски и тумачить раз-дать.

Про что правильно журналист написал, так это про двадцать пар обуви в прихожей на стеллажах. Но он не видел, что творится, когда утром братья для потехи свалят всю обувь на пол – попопуй в давке свою пару отыскать.

Поля была тем самым роковым по счету пятым ребенком, за которым уже число потомков значения не имело. Ее так поразили слова отца, что каждый раз, когда у мамы вырастал живот и ожидалось появление братика или сестрички, она испытывала неясное чувство вины и раскаяния.

Мама умерла, когда самая младшая, Зойка, школу окончила. То есть всех на ноги подняла, и никто из детей по кривой дорожке не пошел: мальчики в тюрьму не попали, а девочки не стали доступными женщинами. Врач про причину маминой смерти сказал: «Израсходовала себя без остатка».

Внешностью Поля удалась. Ее лицо не просилось на обложки журналов, напротив, оно состояло из недостатков – глазки маленькие, нос бульбочкой, подбородок пипочкой. Но вместе они превращались в достоинства, отчего личико Поли производило впечатление абсолютной простоты, доверчивости и бескорыстной доброты. Люди с такими лицами отдают последние деньги попрошайкам и верят легендам про «мы сами не местные, кошелек на вокзале украли, помогите, Христа ради». Стань Поля врачом, она, пожалуй, не пользовалась бы авторитетом у пациентов. Уж больно проста и бесхитростна ее внешность – высшее образование не вырисовывается. Но попасть на излечение, под опеку к такой медсестре – значит семимильными шагами двигаться к выздоровлению.

О медицине Полина никогда не мечтала – крови боялась. Она закончила в Москве техникум, устроилась чертежницей в конструкторское бюро большого завода, познакомилась с Василием. Когда их отношения мягко подкатили к дверям ЗАГСа, она без обиняков предупредила: я детей не хочу и рожать не буду. Словно специально задуманная природой для материнства, Поля израсходовала свои инстинкты в детстве и юности. Их поглотили младшие братья и сестры: пеленания, купания, ночные бдения у постели заболевших, прогулки с колясками вместо танцев в клубе и вечные очереди – в туалет, в ванную, за обеденный стол, за платьем сестры, за маминой лаской. Вершиной семейного счастья Полина считала тишину и одиночество в доме.

Она слышала, что можно сделать операцию с гарантией абсолютной бездетности. Женщине перевязывают какие-то трубы у матки, и она не может забеременеть, хоть тресни. Василий против операции не возражал. Поля страстными поцелуями доводила его до белого каления, а дальше ни в какую – в заветное место не допускала. Боялась понести и, как мама, без видимой причины наплодить целый полк. Прощай тогда тишина и спокойствие.

Они поженились, а с операцией возникли сложности. Контрацептивам, которые, по рассказам женщин на работе, рвутся, как детские шарики, Поля не доверяла. И крутился Вася ужом на сковородке – вроде и муж, а не допущен по-серьезному к телу. Смех и грех были первые полгода их семейной жизни. Кому рассказать – животы надорвут. Но Васе было не до смеха, а Поля, глядя на него, слезами обливалась. И все-таки твердо берегла свою девственность.

Оказалось, что по закону ей операцию делать нельзя. Во-первых, не исполнилось еще тридцати пяти, а во-вторых, не было двоих детей. Интересная картина – бесплатно абортс делай, но избежать их ни за какие деньги не разрешается.

Вася выл от тоски и страсти, Поля чувствовала себя обманщицей и палачом. Пока не нашлась лазейка. Сначала в виде врачихи. Та выдала Поле справку о наличии тяжелого заболевания сердца и медицинских показаний к стерилизации. Потом договорилась с хирургом-гинекологом, что та справке поверит и трубы перевяжет. Деньги, которые откладывали на телевизор и холодильник, ушли на взятки докторам. Живот Полине резали под наркозом, и шрам остался как после аппендицита. Зато никаких волнений на всю оставшуюся жизнь.

По скромности Поля никогда об этом разговора бы не завела. Но если бы ее спросили, как счастья интимного добиться, посоветовала бы следовать их примеру: год поститься и воздерживаться, а потом – как с обрыва в реку, в пучину благодати и удовольствия.

Зажила Поля как мечтала. Работа необременительная, в семейном общежитии не долго мыкались – Васю по профсоюзной линии стали двигать, квартиру дали, он институт вечерний закончил. А в последнее время вовсе в гору пошел – в префектуре работал, его кандидатура на выборы в городскую думу рассматривалась. Ремонт сделали, обстановку купили, летом в Сочи ездили, в Болгарию на Золотые Пески.

Свободное время Полина посвящала любимому занятию – кулинарии. Книжки с рецептами штудировала – как некоторые любовными романами зачитываются. Хорошие рецепты из журналов вырезала и в специальную тетрадку наклеивала. Потом у нее этих тетрадок набралось как собрание сочинений – два десятка. Вначале она (полуголодное детство сказывалось) за количеством гналась. Консервов на зиму сто банок заготавливала, муку, сахар, картофель мешками покупала. Это на двоих-то! Конечно, не пропадало – братья и сестры на что? Потом качеству стала внимание уделять – готовить понемногу, но изысканно, и времени на благопристойное дело не жалея.

Цыпленок фаршированный, например, – еда на один присест, а четыре часа готовится: шкурку аккуратно снять и послойно фарши проложить – куриный, грибной, сырный, паштетный, по границе каждого слоя тонкий пласт ветчины, в центре тушки дольки ананаса. Свернуть и ниткой суровой зашить, чтобы цыпленок выглядел как до потрошения. Запекать при

разных температурах, поливая соусом с вином мускатным. Салаты Поля никогда магазинными майонезами не заправляла, свои делала. Не унижалась до того, чтобы на гарнир просто белый рис сварить. Из китайской кухни переняла – рис с креветками, грибами, с соевым соусом; из узбекской – рис с луком, морковью, со специями. О приготовлении супов, мяса, рыбы, овощей, холодных закусок и десертов Полина могла говорить часами. А у тех, кто ее слушал, начиналось обильное отделение слюны и желудочного сока.

Поля не понимала женщин, которые заявляли, что им готовить надоело. Это сейчас-то? Когда продукты в ассортименте и без очереди. Ведь сколько еще простора для творчества! Взять хотя бы дары моря! И приготовить их в кляре – креветки, кальмары кольцами, мидии и даже неведомые осьминоги и устрицы. На гарнир подать французский салат под соусом «Цезарь» – пальчики оближешь! Или ростбиф по классическому английскому рецепту, или фаршированный репчатый лук...

Каждый прием пищи, ужины в будни и воскресные трапезы становились для Поли маленькими праздниками, которые она загодя планировала и с чувством отмечала, вкладывая в сырое мясо и овощи не меньше страсти, чем скульптор в глину и мрамор. На воскресные обеды периодически и по очереди приглашали семьи Полиных родственников. Братья и сестры, а также их супруги отдавали должное Полиному мастерству. Но только Вася под влиянием жены превратился в настоящего ценителя и гурмана. За пятнадцать лет их совместной жизни он научился отличать телятину от говядины и поправился на семнадцать килограммов.

Но однажды злой рок вполз в счастливую Полину жизнь. Она готовила чернослив в шоколаде, когда без предупреждения пришли сестры Вероника и Лена. Все дети их многочисленного семейства общались и дружили по трем возрастным группам – старшей, средней и младшей, по четверо в каждой. Полина была из средней, следом за ней в той же группе числилась Лена, а Вероника – из младших. Полина удивилась их совместному приходу, но не особенно – границы групп были подвижны. На тревожные лица сестер не обратила внимания, поспешила поделиться своими достижениями и открытиями. Лучше покупать испанский чернослив без косточек, чем среднеазиатский – хоть и дороже, зато мясистее. Грецкий орех вовнутрь чернослива засунуть – не велика задача, да вот шоколад плохо к сухофрукту пристает, то сползает, то осыпается. Полина придумала – вначале чернослив в сахарную глазурь окунать, а когда та еще не полностью застыла – в теплый шоколад.

Она показала на плоды своих трудов – коричневые головки на спичках, воткнутые в белый батон, похожие на грибы строчки.

– Остынут, я вас угощу, – пообещала Полина. – А сейчас осетринки, запеченной с грибами, поешьте. Салатик из авокадо. Не пробовали? Сначала противно, но потом привыкаешь.

Она угощала сестер, деликатно не спрашивая о причине их неожиданного визита. Скорее всего, денег будут просить. Наверное, много надо, если вдвоем заявились и сидят как примороженные. Поля мысленно высчитывала, сколько сможет одолжить без ущерба для семейного бюджета. Ей и в голову не могло прийти, что причина гораздо страшнее и ужасней.

– Поля, ты как себя чувствуешь? – спросила Лена, отобедав. – Еще хорошо?

– Что значит «еще»? – беззаботно пожалла плечами Полина. – Нормально я себя чувствую. Чай завариваю или в пакетиках?

– Поля! А ты мне шубу свою не отдашь? – подала голос Вероника.

– Все-таки они, младшие, иждивенцы. Правда, Поля? – возмутилась Лена. – Привыкли на нашем горбу выезжать.

– Ее шуба только мне и Сашкиной жене по размеру подойдет, – оправдывалась Вероника.

Поля была полностью с Леной согласна – обнаглели младшие. Конечно, им перепало с ее плеча. Но чтобы новую шубу, не дешевую, один сезон ношенную! Хватило же нахальства просить!

– Ой, Полечка, ой, сестричка моя дорогая! – вдруг запричитала Лена. – Как же мне тебя жалко! – залилась слезами.

Вслед за ней заревела Вероника:

– Я тебя больше всех любила! Ты такая добрая, хоть и обеспеченная!

– Что это с вами? – поразились Полина. – Вы чего голосите?

И тут они сквозь рыдания принялись выкладывать. Мы все знаем, про болезни твои смертельные, ты на нас рассчитывай, до последнего за тобой ухаживать будем, ты наша ненаглядная, хорошо, детей нет, Вася убивается, папе лучше не говорить.

Папа уже давно запутался в детях, внуках и племянниках. Василий если и убивался, то только на работе, а дома отдыхал как положено.

– Вы что несете, дурочки! – возмутилась Полина. – Какие болезни? Кто вам сказал?

Не сразу, но она воссоздала картину. Предчувствуя недоброе, заставила Лену звонить по всей цепочке, сама слушала по параллельному телефону.

Лене сказала жена второго по старшинству брата, Пети, Петиней супруге сказала Маша – сестра после Игоря, Маша узнала от Игоря, третьего с конца, Игорю донесла Клава, которая между Петей и Колей, с Клавой поделилась Маринка, младшая из средних, Маринка и Веронике сказала, а сама узнала от Зойки, последней с конца. Расхождения в диагнозе наблюдались только по поводу рака печени или желудка. Но то, что зловердные опухоли поселились еще и в Полининых мозгах и коленках, подтверждали все.

Окончательно Полину доконал разговор с Зойкой.

– Точно знаю, – твердила она. – Ой, мне так жалко Полинку! Нет, не верю, что она не знает. Мне сам Вася сказал. Он так убивается! И не в желудке, а в печени у нее рак. Она обследование проходила, у них бесплатное в кремлевской клинике, полностью просветили. Вот бедная, такая молодая еще!

Полина с тихим верещанием опустилась на стул и разрыдалась. Сестры, наконец, занялись тем, зачем приехали, – стали утешать.

Другая сторона медали

Двадцатилетняя Зойка давно положила глаз на Василия – не старый, перспективный, внешность представительная и манеры хорошие. Детей нет и жене не изменяет, что положительно. Он, конечно, из тех верных, что верны, пока трезвы. А подпоить да намекнуть – бери его голыми руками. То есть ты, меня, Вася, бери – вот она я, в тебя до ужаса влюбленная, молодая и горячая. Зойка заманила Васю к себе под предлогом «серьезного разговора, который должен остаться между нами». Она комнату снимала на Пролетарке и работала продавцом в универмаге рядом. Слово за слово, рюмка за рюмкой, и не заметил Вася, как он уж без штанов и в постели с Зойкой.

Когда домой приехал и Поле врал, что на заседании в управе задержался, терзался мысленно. Слово себе дал, что не повторится, да не сдержал. Затянуло его, как в омут, – не выберешься. И оправдание нашел. Коллега, который пять раз курить бросал, а потом рукой махнул, подсказал: «Это сильнее меня». Сильнее Васи оказалась его страсть к молоденькой Зойке.

Соблазнить его было делом нетрудным. Но дальше – ступор. Не хотел Вася с Зоиной сестрой разводиться и на Зое жениться. Она Васю и слева, и справа, сверху, снизу прихватывала – выскальзывает. А время поджимало. Потому что второй брак не мешает карьере только до определенного уровня. Скажем, президентов-разведенцев не бывает, а в администрации – навалом тех, кто по второму разу женат. У мэра вторая жена. Но если бы он разводился, будучи мэром, – это мало кому бы понравилось. А у Васи перспектива в Московскую думу попасть. Дальше – кто знает. Залетит высоко – останется Зоя у подножия, как мимолетное видение. Сейчас самое время судьбу решать.

Как всякая тайная любовь, Васин роман с Зойкой превращался в клубок лукавства, день ото дня растущий и ту же затягивающийся. Зойка твердила о своей любви, загубленной молодости и о далеко идущих планах не умалчивала.

Соблазненный Вася покорно признавал себя обольстителем и поругателем девичьей чести. Он врал и жене, и любовнице. С Полей разводиться не хотел, но и прямо сказать Зойке, что не женится на ней, язык не поворачивался.

Вася был настоящим хорошим парнем. Всегда, с детства. Твердый хорошист в школе, он не рвался в общественники, но никогда не отказывался от поручений, вроде стенгазеты или роли безмолвного дворецкого в школьном спектакле. В армии он легко стал отличником боевой и политической подготовки, хотя ни той ни другой не занимался, а делал в мастерской табуретки и этажерки для семей офицеров, выпиливал лобзиком ажурные полки, которые потом дарили проверяющим из штаба дивизии и округа. Он выгодно отличался от других парней основательностью, надежностью и, главное, отсутствием тяги к спиртному. За что получил благодарность командования и удостоился принятия кандидатом в члены КПСС.

И внешне Вася был как бы усредненным – лицо простое русское, рост средний, в юности была фигура, нынче небольшой животик. Начал лысеть, но не катастрофически, а благородно – со лба и медленно. Искушенный взгляд мог бы отметить, что у Васи красивые руки, изящная форма кисти и длинные пальцы. Занимайся он музыкой, мог бы добиться растяжки от «до» до «фа» через октаву. Но Вася на рояле не играл, хотя руки свои уважал за мастеровитость. У его отца была небольшая столярная мастерская в сарае, где они вместе делали табуретки, полки и даже навесные шкафы на кухню.

Самым смелым поступком в Васиной жизни стало решение ехать после армии в Москву и по лимиту поступить на большой завод. Но заявился Вася в столицу не с бухты-барухты, а имея в кармане приглашение вербовщиков, которые агитировали в части. Сам Вася был из Оренбургской области – в небольшом сибирском городке жили его родители и две сестры.

Малопьющий студент-заочник и на заводе долго в тени не остался, потому что не отлынивал, как многие, от поручений общественных организаций. Носил и не терял транспаранты на демонстрациях, ездил в выходные на овощные базы и в подмосковный колхоз, заседал в товарищеском суде и патрулировал улицы с красной повязкой дружинника на рукаве. Вася никуда не рвался, и, очевидно, поэтому его усиленно двигали вверх, пока не выдвинули в префектуру. Он и здесь с неба звезд не хватал, но пользовался большим уважением за те же основательность, надежность и трезвый образ жизни.

Вася жену любил в соответствии со своим характером – прочно и устойчиво. Поля была для него родным организмом, будто он раздвоился и жил со своей второй половиной. Как угораздило основной его половине совратить молоденькую девушку, да еще сестру жены, Вася объяснить не мог. В этой ситуации действовала не голова его, а другие части тела, которые мозгов не имеют. Но Вася точно знал, что новой, вместо Поли, жены ему не нужно. Замена была равносильна ампутации руки и пришиванию протеза. Дом у них – полная чаша. И каждая вещь из обстановки, люстра или гарнитур, планировались загодя, покупались любовно и радостно водружались. Сейчас дачный участок на повестке дня. Вася уже и заявление написал. Шестьдесят километров от Москвы, и все коммуникации в проекте. А готовила Поля! Вкуснее ее обедов Вася не едал. Зойкина стряпня не многим лучше столовской.

Но с другой стороны, Васю к Зойке влекло неудержимо. И как порядочный человек, он жалел девушку, мечтающую, естественно, о доме, семье и законном муже. Он не знал, куда глаза девать, когда Зоя мягко, но настойчиво спрашивала:

– Ты же, Вася, не такой? Не поматросишь и бросишь? Я тебя люблю, ты меня любишь, а жизнь проходит. Когда мы поженимся?

Очередной раз загнанный в угол, Вася вдруг нашел простое и гениальное решение.

– Не могу я с Полиной разойтись, – молвил он печально. – Дело в том, что она больна. Очень серьезно. Злокачественные опухоли в мозгу, в печени и в коленных суставах. – Для надежности Вася прошелся по телу жены с головы до ног. – Последней сволочью буду, если оставлю ее в таком состоянии. Да и недолго ей осталось.

Надо отдать должное Зое. Сначала она ужаснулась участи сестры (ой, бедняжка, горе какое), утерла невольные слезы, а только потом подумала о преимуществах сложившейся ситуации. Выходить за вдовца не в пример лучше, чем уводить мужика из семьи. И с родней проблем не будет – никто не упрекнет, что сестре свинью подложила.

Зоя обрела душевное равновесие, настроилась ждать, но ее так и подмывало поделиться с кем-нибудь кошмарной новостью. Она рассказала Маринке, младшей сестре из средней группы. Маринка (конечно, тоже очень расстроилась) поделилась с Вероникой – и пошла писать губерния. Через десять дней взбудораженная и опечаленная родня делегировала Лену и Веронику к Полине – разузнать подробности, утешить, предложить помощь.

Вася задерживался, но это было в порядке вещей. Ему теперь приходилось до позднего вечера разрываться между управой, администрацией, мэрией, попечительским и опекунским советами, комиссиями по градостроительству и делам несовершеннолетних, навещать в комитет муниципального жилья и в объединенную дирекцию эксплуатации зданий. И это только по работе. А еще общественные нагрузки – благотворительные фонды и разные объединения...

Полина, проводив сестер и наплакавшись до икоты, обессилено лежала на диване. Она чувствовала все симптомы надвигающейся смерти: голова гудела и пульсировала, печень камнем давила, как будто жирного поела, а колени ее давно беспокоили – с тех пор, как стала поправляться, вес набирать. Положив руки на грудь, как покойница, она тихо выла от жалости к себе.

Вернувшийся из теплоэнергонадзора (то есть от Зойки) и увидевший опухшую от слез в скорбной позе жену, Василий не на шутку встревожился:

– Что с тобой, милая?

Поля с трудом сползла с дивана, простонав:

– Вася-а-а! Я все знаю. Зойка сказала.

Мысли понеслись в голове Васи с космической скоростью. Переизбрание, выборы в думу, Сам не приветствует разводов, Полина хорошая жена, я подлец бессовестный, я к ней привык, а к другой еще прилаживаться надо, дачу затеяли строить, нажитое барахло делить жалко, да и стыдно, Поля во всех отношениях, а в некоторых отношениях... Его неудержимое влечение к Зойке враз пропало, как сквозь землю провалилось. Хотя и самому Васе хотелось туда же провалиться от стыда и страха перед расплатой.

Он рванул с места, крепко обнял жену, прижал ее голову к своей груди и затвердил:

– Прости, прости, прости меня, дорогая!

Полина за вечер вылила корыто слез. Но они снова потекли, уже не соленые, а на вкус точно дистиллированная вода.

– Это хорошо, Васечка, – она подняла голову, – что ты мне ничего не говорил, правильно делал.

– Так ты меня прощаешь? – Василий смотрел на нее с удивленным восхищением.

– Конечно, голубчик. А ты... ты мною теперь... не брезгуешь? Я тебе не противна?

В этот момент Полина была ему милее всех женщин мира. Василий искренне принялся ее разубеждать, осыпать поцелуями. Стоя на краю могилы, Полина неожиданно наслаждалась пылким объяснением в любви.

– Я с тобой, – восклицал Василий, – только с тобой, до самой смерти!

Упоминание о смерти вызвало новый приступ рыданий. Но благостных – не каждой женщине улыбнется прощаться с жизнью, имея такого преданного, верного, любящего супруга.

– Для меня самое страшное, – призналась Полина, – как подумаю, что там без тебя.

Вася ее «там» воспринял как слово-паразит, вроде «ну» или «вот». Говорят ведь: «Он там пришел», имея в виду просто «пришел». Или о Поле родня сплетничала: «Она там не Майя Плисецкая, чтобы детей не рожать». Поля под «там» подразумевала загробный мир. Она смутно представляла себе жизнь после смерти, но все-таки жизнь была обещана, хоть и без хорошего питания.

Они еще долго говорили – каждый о своем. И ни одной накладки в их беседе не случилось, потому что Поля страшилась произнести слова «болезнь, рак», а Вася считал неприличным упоминать имя сестры-любовницы. Они ворковали, сюсюкались, как в юности. А после нежной и продолжительной постельной утехы Вася предложил:

– Давай никогда-никогда об этом не вспоминать? Будем жить, словно ничего не случилось?

Полина вздохнула и согласилась.

– С работы уйду? – советовалась она. – Платят копейки, чего уж тратить время. Буду о тебе заботиться, пока силы есть.

– Увольняйся, – одобрил Вася. Он был готов на любые подвиги ради жены. – Хочешь перстень тебе с изумрудом купим? Нет, перстень и сережки!

Вася никогда транжирой не был, а тут предлагал бессмысленные траты – Поля даже задохнулась от его благородства.

– Птичка моя, – она гладила его грудь и всхлипывала, – котик, зайчик, пампусик! – Из Поли в минуты нежности ласковые слова потоком лились.

– Ты, главное, одно запомни! Я тебя до гроба люблю, и никто мне, кроме тебя, не нужен! – У Васи тоже слезы навернулись на глаза.

Он не ожидал, что женщина, даже Поля, способна подняться на такую нравственную высоту – проявить понимание, с ходу простить измену, забыть о мужниных грехах и утопить непутевого в ласках и обожании.

Поля восприняла слезы мужа как скорбь по ее грядущей кончине. Своим носовым платком, мокрым от ее слез, высморкала мужа как ребенка.

– Ничего, родной! – вздохнула она. – Когда ты рядом, мне и смерть не страшна. Я о тебе до последней секундошки думать буду.

– А я о тебе, – заверил Вася, – всю оставшуюся нам жизнь!

Ночью Поле приснился сон. Будто она умерла и ее хоронят. Гроб длинный и широкий, как лодка. Несут его, по пять человек с каждой стороны, братья и чужие мужики. От неимоверной тяжести носильщики плетутся на полусогнутых, лица покраснели от напряжения. Вдруг дно гроба не выдерживает, доски с треском ломаются, и Полина падает на землю. Лежит на асфальте в белом саване и хлопает глазами. (Так во сне – хлопает и слышит, что говорят.) Склонились над ней головы, и одна (вроде брат Петя) журит: «Что ж ты, мать, так разъелась?» Другая (брат Володя) обижается: «Из-за тебя грыжу заработаем». А Вася суетится рядом, саван задравшийся на пухлые коленки ей натягивает и успокаивает: «Ничего, ничего! Мы сейчас кран подъемный вызовем, на лафет ее, как члена правительства, положим».

Полина проснулась в холодной испарине. Вещий сон! Предсказание ей и напутствие. В самом деле, девушкой пятьдесят килограммов весила при росте метр шестьдесят, а сейчас за восемьдесят весы показывают. Говорят, онкологические худеют, а ее как на дрожжах несет.

Полнота ее была не сдобной, рыхлой, а упругой и тугой. Однажды в санатории массаж назначили. Так массажистка отказалась без дополнительной платы работать: вас, говорит, что дубовый стол массировать, пальцы сломаешь. Полине и самой казалось: у нее под кожей не сало, а как в хорошей грудинке – прослойки аппетитного мяса. На лице ни морщинки, но второй подбородок уже заметен. Щечки – яблочки, губки как розочка на торте, а глаза – голу-

бые, точно мокрые недозрелые сливы, которые от зелени только-только в синеву переходят. Из таких соус ткемали хорошо делать.

И все-таки перед смертью похудеть надо. Пока есть время, привести себя в порядок. Чтобы Вася на похоронах (ведь много важных людей будет) не конфузился, оттого что под ней доски затрещат.

Полина повернула голову и посмотрела на спящего мужа. Сердце захлестнула волна нежности и любви. Голубчик, солнышко мое ясное, голубь, сокол, зайчик, пупсик... Вася ответил протяжным, со свистом, храпом.

На кого ж она оставит своего лапочку, котика? Кто его, безутешного, приголубит? Кто тоску разгонит? Некому! Впервые Полина пожалела о шаге, совершенном много лет назад. Зачем она операцию делала, трубы перевязывала? Ведь предупреждали – пожалеете, все жалеют рано или поздно. Нет теперь детей! Никого после нее не останется. А как было бы хорошо – мальчик или девочка, ее кровиночка и память, Васеньке утешение.

Молодая была, глупая, и никто за руку не удержал, никто по голове не треснул – одумайся! У нее девятнадцать племянников и племянниц, хотя ни братья, ни сестры па родительский подвиг не отважились – больше двух детей никто не имеет. Почему Поля решила, что обязательно станет как мама? Наверное, потому, что лучше мамы, невообразимо доброй и прекрасной, никого не встречала.

Про операцию Поля только Маринке, младшей из средней группы, сказала. А та Клавде, третьей из старших, донесла. Клавка маме пожаловалась, что Поля операцию против детей делала, будто балерина или артистка погорелого театра. Мама не упрекнула, не отругала, только сказала:

– Тебе, Поля, своего ума для жизни не хватает. Ты у мужа занимай.

А что муж? Вася ей поддался, потому что любил безумно. Поля вспомнила, как он от долгого воздержания чуть умом не тронулся, по комнате в общежитии бегал и кричал:

– Ну, пусть меня кастрируют, если тебе операцию не хотят делать!

Хорошо, не потребовалось ему под нож хирурга ложиться. Но подругому посмотреть, когда она «там» будет, Вася снова может жениться и детей завести? Эта мысль Полине решительно не понравилась, она даже заерзала на кровати.

Представила, как чужая женщина станет готовить в ее кастрюлях, сидеть на ее диванах и пить чай из сервиза, подаренного им на юбилей свадьбы. Вспышка ревности подбросила Полю. Она встала и пошла на кухню.

Хотела поплакать, но запас слез кончился. Пришлось думать о будущем, не прибегая к помощи чужого ума. Ведь дала слово Васе не упоминать про болезни.

До утра не сомкнула глаз. Приготовила мужу на завтрак блинчики с творогом в яблочной подливке. Вася встал бодрый, свежий и веселый. Это он укрепляет ее в хорошем настроении и силе духа, решила Полина. Она тоже молодцом держалась, будто и не ждала ее скорая кончина. Поделилась с мужем выработанным планом из трех пунктов.

– Первое, мне с работы уволиться, мы уже с тобой вчера говорили.

– Голосую «за», – благодушно отозвался Вася, поднял руку с ножом вверх, а другой положил себе очередной блинчик.

– Второе. Похудеть мне надо.

– Воздерживаюсь! – заявил играющий в собрание муж набитым ртом.

– И еще я хочу собачку завести. Чтобы память обо мне через эту собачку с тобой осталась.

Вася не понял логику жены, но, верный установке во всем Полю ублажать, согласился и на собачку. Они обсудили породу. Васе маленькие комнатные не нравились. Если уж брать пса, то большого, служебного и сторожевого.

Готовиться к смерти нужно активно действуя, а не сложив лапки. Это Поля поняла на своем примере. Она подала заявление об уходе по собственному желанию и обдумывала меню для отвальной.

Вася позвонил Зойке и скорбным голосом предложил пока не встречаться, Поля совсем занедужила. Зойка согласилась, Вася положил трубку и мысленно перекрестился. Он купил жене колечко и сережки, а также приобрел книжку с большими фото собак. Остановились на породе ризеншнауцер. Васе понравилось, что ризены свирепы с чужими и ласковы с хозяевами, охранную службу несут очень бдительно. Полю, как женщину чистоплотную, покорило замечание о том, что у ризеншнауцеров нет псиного запаха.

Если бы не смертельный диагноз, Поля была бы полностью счастлива на новом витке их с Васей отношений.

Глава третья, в которой Ирина тормозит школьное обучение сына и с научной добросовестностью изучает загадки любви

Игра природы

Ирина вела одиннадцатилетнего сына Лева в школу на экзамен за девятый класс. Левочка был вундеркиндом. К сожалению, хотя и не удивительно. Вундеркиндами были Ирины папа, бабушка и прабабушка, а по преданиям – предки из предыдущих поколений. И саму Ирину сия участь не миновала. Муж Марк в детстве выдающихся способностей не проявлял, но гены злостной вундеркиндности переползли-таки к их сыну Лева.

Ничего хорошего жизнь чудо-детям не обещала. Они раньше других прибегали на финиш образовательного соревнования, но далее не обязательно становились гениями или делали выдающиеся открытия. Выигрыш во времени не гарантировал звания чемпиона, но определенно отбирал, коверкал важную часть человеческой жизни – детство.

Ирина с грустью наблюдала, как Левочка повторяет ее путь. Друзей не завел, поскольку со сверстниками скучал, а старшим обидны его преимущества. Лева уже три года носил очки, сутулился, не любил спорт, под угрозой наказания выходил на прогулки и читал с фонариком под одеялом. Он был отравлен недетским интеллектуальным удовольствием постижения новых знаний, а оно сродни наркотическому.

В четыре года Лева поступил в первый класс. Конечно, речи не шло о том, чтобы ему ходить в школу. Маленького, худенького, склонного к простудам Левочку затравили бы одноклассники. Но семейный опыт подсказывал: удобнее раньше записаться в школу и шагать через класс, чем доказывать, что ребенок может сразу сдать программу четырех лет обучения.

На «вступительном экзамене» директор предложила Лева задачку:

– Представь, что на весах стоит петух, и весы показывают три килограмма. Если петух поднимет одну ногу, что покажут весы?

Лева на секунду задумался и ответил:

– Петух упадет.

Директор рассмеялась, переглянувшись с учительницами и осуждающе посмотрела на Ирину: что вы, мамаша, выдумываете, не мучайте ребенка, рано ему в школу.

– Масса, естественно, не изменится, – продолжал Лева, – но, мне кажется, переместится центр тяжести. Поэтому петух упадет.

Лева тогда картавил. Пальчики у него были слабенькие, ручку или карандаш он плохо держал, но на компьютерной клавиатуре печатал почти без ошибок.

За семь лет стараниями Ирины Лева прошел девять классов. Дай ему волю – уже бы закончил школу. Но Ира, как могла, тормозила его формальное образование. Надеялась, что сын окрепнет и придет в детский коллектив хотя бы в последнем классе. Она знала, каково оказаться в университете в двенадцать лет.

Однокурсники звали ее Дюймовочкой. Поступила она хрупкой девчонкой с хвостиками, перетянутыми резинками над ушами, а заканчивала семнадцатилетней девушкой с развитыми формами. Про Ирину говорили, что она наглядно демонстрирует половое созревание и формирование вторичных половых признаков – процесс, достойный изучения на их биологическом факультете. Если бы не Марк, который был на три года старше и сбегал со школьных уроков, чтобы встретить ее после лекций в университете, студенчество Ирины превратилось бы в кошмар лилипута в стане Гулливеров. И хотя к пятому курсу ее «половозрелость» стерла

разницу во внешнем виде, на Ирину стали заглядываться одноклассники и появилось подобие приятельских отношений, горячее клеймо Дюймовочки-мутантки долго жгло ей лоб.

Дипломная работа Ирины легла в основу кандидатской диссертации, и аспирантуру вундеркиндиша закончила за год. Они поженились с Марком, когда ей исполнилось восемнадцать. Она была кандидатом наук, а он учился на третьем курсе физического факультета. Через четыре года родился Лева. Ирина стала не только самым молодым доктором наук, но и единственной, кто защищал докторскую, будучи кормящей матерью.

Недополученные в детстве и юности ощущения могут в зрелом возрасте обернуться мучительными проблемами. Это Ирина знала на собственном опыте. Поэтому, занимаясь с сыном, она углубляла и расширяла школьную программу дополнительными материалами, но всячески тормозила продвижение вперед. Ее педагогические обязанности были совершенно не обременительны и много времени не занимали. Два часа утром (на работу она приходила к двенадцати) проверяла домашние задания, отвечала на вопросы, задавала вопросы, писали диктанты по русскому и английскому, и Лева получал очередную порцию заданий. Новый материал Ирина не объясняла, потому что Лева любил все узнавать самостоятельно. Появлялись вопросы – спрашивал.

По режиму после маминого ухода на работу Лева должен был отправляться во двор на прогулку и два часа на оговоренной территории, с которой ни шагу, дышать свежим воздухом. Потом обед (разогреть в микроволновой печи) и домашние задания, личное время (можно заходить в Интернет), и вечером поход с мамой в театр или на концерты симфонической музыки.

На практике почти все время и оказывалось у Левы личным. Он благоразумно не подходил к телефону, когда был обязан «дышать свежим воздухом», уроки делал не более часа и целыми днями просиживал у электронного наказания – компьютера. Плохая погода или необходимость задержаться на работе отменяли посещения театров и концертов. В выходные (по плану жизни – музеи и выставки) маме хотелось подольше поваляться в кровати, да и домашние заботы накапливались.

У Ирины не хватило воли записать сына в спортивную секцию – она сама ненавидела физические упражнения. А музыкальных или художественных способностей Лева был лишен начисто.

Они уже третий год жили неполной семьей – мать и сын. Бабушка и дедушка, родители Ирины, и муж Марк обосновались в городе Денвер, штат Колорадо, США. Все трое (два доктора и один кандидат наук) получили хорошие должности в местном университете. Ирина с Левой навещали их каждое лето.

Отсрочка с ее выездом объяснялась объективными причинами – группа исследователей, возглавляемая Ирой, получила большой грант, работу необходимо было завершить. Потом результаты обработать, потом предложили выдвинуться на премию, потом возникла еще одна идея, которую жалко бросить, она сулила нобелевские перспективы.

Родные прекрасно разбирались в сути Ириной работы и терпеливо ждали воссоединения семейства. А она не хотела ехать! Не хотела покидать Москву, свой институт, уютную большую квартиру, расставаться с деревьями, которые папа посадил во дворе на субботнике новоселов. Деревья росли вместе с ней, и эмигрировать – как выкорчевать их.

Лева слегка нервничал перед экзаменами, но сдал их легко. По всем предметам, кроме русского языка, получил «отлично». Грамотность у Левы слегка хромала, а почерк был по-детски корявый и по-взрослому неразборчивый. Если бы Ирина не знала, что эти каракули принадлежат ее одаренному сыну, она бы решила, что писал человек с нейромоторными нарушениями. Учителя относились к Лева-заочнику с благоговейной добротой (в этом году он победил на городских олимпиадах школьников по трем предметам), и более всего их интере-

совали ошибки и неточности, которые мальчик обнаружил в учебниках и методической литературе.

Ирина помнила первую несуразность из учебника природоведения, с которой они столкнулись во втором или в третьем классе. В главе «Лесная зона» было написано: «В лесной зоне живут и врачи, и инженеры, и пекари, и слесари, и космонавты». Ребенок несколько дней ходил задумчивый, листал атласы, крутил глобус – искал удивительную страну космонавтов и пекарей.

– Давай поедem в зоопарк? – предложила Ирина, когда они вышли из школы.

Лева покачал головой:

– Там все звери какие-то унылые. Мне больше нравится смотреть фильмы «Нэшнл джио-график» о животных.

Ирина была с ним полностью согласна. По родительской обязанности она часто вела Леву туда, куда по доброй воле сама бы не отправилась. Например, некоторые детские спектакли оказывали гипнотическое действие – усыпляли.

– У меня, между прочим, – она скорчила веселую гримаску, – тоже каникулы начинаются. О, радость! Три месяца без уроков с мальчиком, который не в состоянии запомнить, что ходить нужно в носках одинакового цвета, вытирать нос платком, а не рукавом, и не выбрасывать столовые приборы вместе с остатками еды в мусорное ведро.

Это также был один из аспектов воспитания – не позволить Леве увериться в своей исключительности и избранности. «Он не должен сублимировать физические недостатки и коммуникативные проблемы в гипертрофированную интеллектуальность», – говорила она себе. Будет крайне печально, если сын вырастет заносчивым всезнайкой или рефлексирующим снобом.

– Предлагаю на выбор, – продолжала Ирина, – цирк, детское кафе, парк с аттракционами, катание на речном трамвайчике или полет на воздушном шаре, если мы, конечно, найдем дирижабль.

– Мама, ты обещала новый диск, – напомнил Лева.

Ирина вздохнула. Дома три книжные полки были завалены компактдисками с компьютерными играми. Они купили жидкокристаллический монитор, не излучающий вредных волн. Но долгое напряжение все равно плохо влияло на глаза ребенка. Лева не увлекался шахматами, потому что современные компьютерные игры сложнее, вариативнее и, главное, увлекательнее шахмат. Игры на английском активно стимулировали изучение языка, и разговорной речью Лева уже владел лучше мамы. Мальчик становился живой приставкой к электронному наказанию.

– Джентльмены от своих слов не отказываются! – гордо сказала Ирина.

– Ты не джентльмен, а леди.

– О, сеньор, вы сама галантность! Но если леди не отказывается от своих слов, это уже не леди.

Единственным человеком, с кем Лева легко общался и дурачился, была мама. Единственным человеком, с кем Ирина чувствовала себя беззаботно счастливой, был сын.

Они прокатились на теплоходе по Москве-реке, скатились с американских горок в парке Горького (Ирина – в полубессознательном состоянии), пообедали в ресторане, заехали в книжный магазин за компактдисками, съели по мороженому на Тверском бульваре и купили Леве бейсболку с иероглифом. Предлагая друг другу варианты значения этого иероглифа, они показывались со смеху.

Лева прыгал на одной ноге, когда они вошли в свой двор, и требовал, чтобы мама, ее очередь, переводила загадочный знак.

– Тут говорится, – Ирина легонько щелкнула по козырьку бейсболки, – за мной – пустота.

Собаку они увидели одновременно. Огромный белый дог лошадиной расцветки «в яблоках». Он и скакал как конь: неся с противоположной стороны двора, хрипло лаял, перепрыгивая через лавочки на детской площадке.

Лева в испуге тихо заверещал, присел на корточки и закрыл голову руками. Ирина всегда боялась собак. Если бы не Лева, она бы припустила наутек или стала в истерике забираться на дерево.

Она сделала два шага вперед, подняла руку с черной лакированной сумочкой и принялась кричать высоким, не своим, голосом:

– Как ты смеешь нас кусать! Немедленно прекрати! Это что еще за безобразие! Кто тебе позволил так себя вести!

И собака затормозила, подняв облачко пыли в метре от них! Она рычала, показывала зубы, но не бросалась. Сердце у Ирины билось с такой силой и частотой, что казалось, сейчас вырвется из груди и покатится под ноги страшной псине.

Ира продолжала громко стыдить дога, когда подбежала его хозяйка. Очень маленькая женщина, ее голова чуть выше морды собаки.

– Почему вы не держите ребенка? – вдруг напустилась она на Ирину. – Обнаглели!

– Я... ребенка не держу? – изумилась Ирина.

– Конечно! Завела – так смотри за ним!

– За ним? – опять глупо переспросила Ира. Коротышка дернула собаку за ошейник и, продолжая ругаться, засемила с ней прочь.

Ирина хорошо понимала психологию хозяйки дога. Говоря народным языком, лучший способ обороны – нападение, сам дурак, бей первым, пока не разобрались. И почему такая крохотная женщина завела громадного пса, тоже знала. Но это не спасло Ирину от унижения, которое она всегда испытывала, пасуя перед наглостью и хамством.

– Мама! Ты такая смелая! – всхлипнул Лева, вставая.

– Считаешь? – машинально пробормотала Ирина.

– Прости меня, – сын поднял на нее глаза, полные слез, – прости, что не сумел тебя защитить.

– Не выдумывай! – Она судорожно прижала Леву к себе. Вторая волна страха смыла терзания на тему «недотепа я несчастная, не умею достойно хаму ответить». Надо найти в этой ситуации что-то юмористическое, отвлечь Леву от мыслей о трусости.

– Как тебе понравилось, что я назвала собаку грязным баскервилем? – спросила Ирина.

– Класс, – подхватил Лева, – а еще ты обозвала его порочным млекопитающим. Кричала, что он позорит всех собак Павлова.

Прощаясь с сыном перед сном, Ирина присела к нему на кровать:

– Хочу обсудить с тобой гениальную идею. Только что пришло в голову. Давай заведем собаку?

Про себя она добавила: «С ней уж ты будешь гулять обязательно, у тебя появится привязанность, а я не буду мучаться страхами, оставляя тебя одного в квартире».

– Когда родители не хотят подарить брата или сестру, – отозвался не по годам мудрый Лева, – они предлагают собачку.

– Рассматриваем вопросы по мере поступления, – выкрутилась Ира. – Итак, что насчет собачки?

– Хорошо, – протяжно зевнул Лева, – только породу я выберу сам.

Ирина полагала, что сын остановится на каком-нибудь симпатичном маленьком мохнатом дружке. Но он выбрал ризеншнауцера – мягко говоря, далеко не привлекательного пса. На фото он был похож на обитателя преисподней – черта на четвереньках. Следуя логике, по которой низкорослая и хрупкая владелица дога завела себе собаку громадных размеров, с Левого тоже не все обстояло благополучно. Вряд ли животные способны избавить людей от

комплексов, а появление в доме большой свирепой псины Ирину не радовало. Но отступить поздно – Лева загорелся идеей.

Тайная страсть ирины

Среди причин нежелания Ирины уезжать из Москвы была одна, о которой она не призналась бы даже на исповеди.

Ирина влюбилась Конечно, Марка она тоже любила. Но по-другому. Ее родители и родители мужа дружили и всячески приветствовали их детскую дружбу и затем брачный союз. Марк – умный, воспитанный, преданный семье, он, как никто, знал Ирину, со всеми ее слабостями и недостатками. Марк – идеальный муж и друг. Он терпелив, выдержан, мудр и надежен. Марк – почти совершенство. Марк очень ей подходит. Она подходит Марку. У них прекрасная семья.

Но она влюбилась! В человека, который ей совершенно не подходит. Более того, олицетворяет полную противоположность. Начиная с фамилии. Его зовут Никита Юсупов. Естественно, откликается на князя Юсупова. Иринина девичья фамилия Братиславская, по мужу – Выхина. Сплошные станции метро.

Никита красив, как Адонис, Ирина носит очки со стеклами в палец толщиной. Он строен и атлетичен, у нее нейроэндокринное ожирение после беременности и родов. Талия заметна только потому, что бедра в три обхвата. Юсупов – балагур и весельчак, Ирина стесняется даже давно знакомых людей. Он любит походы, байдарки-палатки и поет под гитару. Она не умеет плавать, никогда в жизни не была в пионерлагере и считает романсы под гитару пошлым жанром. Он подчиненный, она – руководитель группы. Он заканчивает кандидатскую диссертацию, она давно защитила докторскую. Она зовет Никиту по имени, он ее по имени-отчеству. Он женился на первом курсе университета, разошелся на третьем, а у нее крепкая хорошая семья.

Только однажды их реакции совпали: оба поразились, обнаружив, что ровесники. Она считала, ему нет тридцати шести, он полагал, будто ей – за сорок.

Поскольку мысль о возможности в кого-то влюбиться, тем более в подчиненного, хуже того – в жуира с гитарой в руках, граничила с абсурдом, Ирина долгое время не отдавала себе отчет, что ее радостный подъем духа, взлеты научного вдохновения и служебное рвение связаны с Никитой. Понимание пришло, когда Ирина однажды стала свидетельницей фривольного диалога Никиты и юной лаборантки Оленьки.

Никита соблазнительно улыбался, покачивался на стуле и поигрывал карандашом.

– Оленька! – ворковал он. – Вы разбили мне сердце и даже не удосуживаетесь взглянуть на осколки.

Лаборантка кокетливо усмехнулась:

– Не верю! Вы известный сердцеед.

– Милая, вы ждете принца на белом коне? Хотите, я куплю лошадь и буду гарцевать перед вашими окнами?

– Хочу! – задорно ответила Оленька. – Адрес дать?

– Там уже, наверное, рота принцев на табуне скакунов забрали щелкает.

– Вас это пугает? – томно закатывала глаза Оленька.

– Это будит во мне рыцарский азарт.

Ирина слушала их болтовню и стыла от ревности. Ей хотелось немедленно уволить Оленьку и отхлестать по щекам Юсупова. Скучный амурный опыт не мог подсказать Ирине, что любовники, даже потенциальные, не выставляют напоказ свои отношения. Публичные заигрывания – лишь игра во флирт, а не свидетельство о намерениях.

Ирине не хватало воздуха. Она взяла первую попавшуюся папку со стола и выскочила из комнаты. Спустилась на лифте, прошла вестибюль, очутилась на улице. Она сидела на лавочке в институтском скверике и ничего не видела вокруг.

Очнулась, когда подошел коллега:

– Ирина Данииловна, вам плохо?

На улице холод, а она без пальто, в белом халате поверх платья.

«Мне очень плохо! – хотелось ей крикнуть. – Я, кажется, влюбилась. Как гимназистка, как пустоголовая дурочка!»

– Со мной все в порядке, благодарю вас, – поднялась она.

Ирина резко установила дистанцию – ваши, Никита, анекдоты забавны, но последняя серия опытов выполнена небрежно; будьте любезны; не считите за труд; найдите, пожалуйста, возможным; избавьте меня от необходимости дважды повторять одно и то же...

За ее спиной шушукались, обсуждая причины неожиданной опалы князя Юсупова. У Никиты на лице появилось мальчишески обиженное выражение. Сердце у Ирины разрывалось от нежности и боли, в животе поселилось томление, а язык произносил казенные вежливые фразы.

Она владела аппаратом научноисследовательской методологии и решила применить его к проблеме собственной любви. Изучила труды психологов и психоаналитиков, посвященные феномену высокого чувства. Узнала, что объект вожделения представляет собой (или ему приписываются) подсознательные идеалы и мечты. Спору нет, подсознание способно выбрасывать фортели. Но любые сюрпризы можно объяснить – в этом суть научной работы. Скажем, не подлежит сомнению, что Ирина хотела бы быть красивой и стройной. Уметь легко и непринужденно общаться с людьми, заводить друзей и расставаться с ними без болезненных угрызений совести. Но играть на гитаре! Ползать по горам и сплавляться на байдарках! Пускаться в сомнительные авантюры! Никогда! Даже ее подсознание, сформированное в условиях нетипичного детства, вряд ли способно возжелать подобных приключений.

Немецкий ученый Макс Нордау писал, что чем низменнее и проще идеал, тем легче человек находит его воплощение. Поэтому-то пошлые ординарные люди могут легко влюбляться и заменять один предмет любви другим, меж тем как утонченным и сложным натурам трудно встретить свой идеал или заменить его другим в случае утраты.

Что получается? Ирина (отбросим ложную скромность) считала себя «сложной, утонченной натурой», но идеал выбрала «низменнее и проще», следовательно, она – «пошлый, ординарный» человек?

Биохимическая теория любви вызвала у Ирины сомнения как у специалиста. Повышенное содержание в крови тех или иных гормонов действительно может вызывать изменение настроения – чувство безотчетного страха, томление, подавленность или, напротив, эйфорию, эмоциональное возбуждение и жажду действия. Но органы внутренней секреции, продуцирующие гормоны, не могут работать в режиме постоянного аврала. В противном случае нужно говорить об эндокринной патологии, а всех влюбленных, таким образом, считать больными. Кроме того, и число испытуемых (влюбленные), и размеры контрольных групп (невлюбленные) в тех исследованиях, с которыми познакомилась Ирина, были статистически малы для теоретически достоверной научной теории. А у нее самой (тайно сделала анализы) гормональный фон не выходил за пределы нормы.

Она обратилась к истории вопроса, к его трактовке философами и социологами. Выяснила, что при родовом строе, когда женщины и мужчины были равны и свободны, любовь представляла собой голый эрос. Затем, по мере закрепощения женщины, как противовес ее семейному рабству, и возникает любовь. Подчинив женщину, мужчина сам попал к ней в плен.

Характерно, что греческие и римские лирики, как правило, воспевали любовь к гетерам, а не к своим женам-матернам. Возвышенная рыцарская любовь в Провансе тоже никогда не

была супружеской. Дама сердца для трубадура – создание неземное, воплощение божества. А сам он твердо ходил по земле и пользовался правом первой ночи. Человечество, по мнению Ирины, должно простить рыцарям их средневековое ханжество, так как именно трубадуры дали мощный толчок в обожествлении женщин.

Узнай Никита Юсупов, на исследования какого рода подвигнул Ирину, наверное, свалился бы со стула. Но Ирина внимательно следила за своей речью. Когда заходил разговор по теме, она могла блеснуть привычной для всех эрудицией, но не более. Так, однажды рассказала миф, упоминавшийся Платоном. В древности существовали двуполые существа – андрогины. Они обладали страшной силой, и Зевс, убоявшись того, что андрогины посягнут на власть богов, рассек их пополам. Каждая половина с вожделением устремилась на поиски другой своей половины. Встретившись, они обнимались, сплетались, ничего не хотели делать порознь. С тех пор людям свойственно любовное влечение – как стремление исцелить человеческую природу. Отсюда и выражение – моя половина.

Во взгляде, брошенном на Никиту, Ирина надеялась, нельзя было прочесть ее отчаяния: ты – половинка нежного персика, а я – долька кислого лимона.

Платоническая любовь должна была стать уделом Ирины в силу ряда обстоятельств: а) недостатки ее внешнего вида; б) верность мужу; в) панический страх перед любыми жизненными переменами. Но когда Ирина занялась историей вопроса, оказалось, что он совершенно не изучен. Более того, термины перепутаны и подменены. Судя по первоисточникам, платоническая (духовная, а не телесная, как мы ее понимаем) любовь – это вовсе не то, что имел в виду древний философ.

Платоновская теория любви тесно связана с его учением о строении мира в целом. Понять его можно, только усвоив гносеологию и эстетику Платона. Последователи выхватывали из теории куски, не потрудившись пропустить их через призму синкретического сознания. Если бы они удосужились сделать это хотя бы тщательнее, то картина бы выглядела следующим образом.

Выделяем три ступени человеческой любви. На первой один человек должен полюбить другого человека – прекрасного душой и телом. Вначале требуется обращать внимание именно на тело. Более того, переходить от одного тела к другому. Цитата: «Он станет любить прекрасные тела, а к тому одному охладает, ибо сочтет такую чрезмерную любовь ничтожной и мелкой».

Прикладываем теорию к конкретной ситуации. Ирина прекрасное тело Никиты уже полюбила. Он ею вряд ли очаруется. Далее. Она должна искать другие тела? Час от часу не легче. Это для Никиты процесс «от тела к телу» привычен, а для Ирины абсолютно чудовищен.

Вторая ступень. Разделение души и тела. «Человек начинает ценить красоту души выше, чем красоту тела», – говорит Платон. И призывает «считать красоту тела чем-то ничтожным». Итак, дух отделяется от эроса и противопоставляется ему. Заманчиво, если Никита оценит ее прекрасную душу, а на тело закроет глаза. Но Платон не упоминает об обратном ходе – от души к телу. Значит, это дорога с односторонним движением?

На третьей, высшей, ступени любви приходит забвение и телесной, и душевной любви в конкретно-прикладном варианте – «от одного прекрасного тела к двум, от двух – ко всем». Происходит прыжок от человеческого мира к надчеловеческому, к некоей идее, «не обремененной человеческой плотью, человеческими красками и всяким другим бранным вздором». Словом, любовь из влечения превращается в инструмент созерцания и познания. Высшая точка – постижение красоты знаний. Но Ирина с детства была очарована «красотой знаний». Только и занималась тем, что их накапливала. А предыдущие ступени? Экстерном прошла? Нет, как говорится, Платон мне друг, но истина уплыла.

Несколько месяцев она вела двойную научную жизнь: на работе в качестве микробиолога, дома и в библиотеке как дилетант от биосоциологии.

И ни в одной области знаний Ирина не нашла ответа на вопрос, как избавиться от нечаянной любви. Она стала искать недостатки у Никиты и старательно их преувеличивать. Но мешал тонюсенький голосок с аргументами «против».

У него ушные раковины неправильной формы (трогательно светятся розовым, когда он сидит у окна), нос великоват и подбородок копытом (а какие еще должны быть на мужественном лице?), испортил партию дорогих препаратов, растяпа (Оленька загубила в три раза больше), кладет ноги на стол (такие длинные и сильные), явился на заседание ученого совета в джинсах (его слушали раскрыв рты), он курит, выпивает (в пределах нормы), осыпает женщин комплиментами (за это – расстрелять), он не подает руки замдиректора института (в противном случае давно бы защитился), он ругает правительства всех стран (интеллигенция всегда в оппозиции), он читает детективы и фантастику, обожает боевики (не дамскими же романами ему увлекаться). Тупик!

На Восьмое марта Никита всем женщинам в лаборатории подарил по красивой розе на длинной ножке. Ирина свою притащила домой, высушила, покрыла лаком для волос и поставила в вазу с сухоцветами. Рядом с колосками, полевыми цветами, былинками травы роза смотрелась чужестранкой. Такой же была и любовь Ирины – пришелицей из другого мира.

Глава четвертая, в которой героини знакомятся, неожиданно делятся своими проблемами и начинают от них избавляться

Разговор по душам

Юристы, оформлявшие Ксюшино наследство, пришли в ужас. Так и сказали ей:

– Ксения Георгиевна (раньше была просто Ксюша)! Вас хотят бессовестно ограбить! Какие пятьсот тысяч! Фирма владеет несколькими предприятиями лесозаготовки и лесопереработки. Миллионные обороты!

Они сыпали неизвестными Ксюше словами: акции-облигации, активы-инвестиции, доле-вое участие... Ксюша запомнила только, что «владеет» большим заводом по производству туалетной бумаги. Вот это не удивительно – где Костик, там всегда дерьмо.

– Короче, – попросила она. – Чего вы от меня хотите?

– Сумма, за которую вы согласились продать активы, смехотворна. Это как если бы вам достался в наследство автомобиль последней модели, а вы за него получаете копеечный брелок для ключей.

Юристы твердили, что устная договоренность с Наветовым законной силы не имеет и, пока не поздно, надо увеличить сумму продажи. Радели они не только за Ксюшу. Их собствен-ный гонорар составлял два процента от суммы сделки.

Ксюша всю жизнь прожила пусть не в нищете, но копейки считала. И свалившееся наследство воспринимала не как выигрыш в лотерею, нечаянную радость, а вроде подвоха, за который расплачиваться придется. Точно дразнят ее, а что потребуют – прямо не говорят. Ей, с одной стороны, терять нечего, но с другой – страшно расслабиться. На кой ляд ей тонны туалетной бумаги? И Костика убили не за его очень красивые глазки. Значит, есть пограничная сумма: меньше возьмет – не тронут, больше – пришьют. Для ровного счета Ксюша остано-вилась на миллионе. Сколько в нем нулей, не помнила. Тысяча долларов в ее представлении – очень много, а миллион – какая-то подлянка.

Наветов, скрипя зубами, то есть вежливо улыбаясь, на новую цену согласился. Ксюша получила миллион долларов чистыми – после вычета налога на наследство и гонорара юри-стам. Они отработали честно – сумели обнаружить среди недвижимости покойного Костика загородный дом, который Наветов случайно прошляпил. Дом отошел Ксюше.

Всех щенков, кроме двух девочек, она продала. Но и за этими должны сегодня прийти. Привыкнуть к расставанию с малышами невозможно. Уж сколько их прошло через Ксюшины руки, а каждый раз сердце словно рвется. Есть способ успокоиться – выпить вина. Но она тянула до прихода, вернее, ухода покупателей.

Полина и Ира не опоздали. Как и договаривались, пришли в семь вечера. Ксюша закрыла взрослых собак в спальне, женщин посадила на диван, запустила щенков – выбирайте. Выбрали собачонки – одна подошла к Полине, другая стала ластиться к Ирине. Охи-вздохи, восклица-ния: какие хорошенькие, какие славные, уй ты, моя маленькая, ах ты, моя хорошая...

– У вас были раньше собаки? – спросила Ксюша.

– Нет. – Обе покачали головами и продолжили сюсюканье.

В других бы обстоятельствах Ксюша им отказала – испортят собак. Но теперь ее поджи-мало время, надо было вступать во владение наследством.

– Вам бы лучше комнатных собачек, – засомневалась Ксюша, – болонок, пекинесов, коке-ров, на худой конец. А чтобы воспитать ризена, требуется жесткая воля. Это серьезные служебные собаки. Они концлагеря у фашистов охраняли.

– Видите ли, – Ирина сняла очки, стекла которых щенок уже успел облизать, – я вообще считаю, что нужно подбирать бездомных, брошенных псов. Но сын настаивает именно на ризеншнаупере.

– Мне и нужен охранник, – обрадованно подтвердила Поля, – за мужем присматривать. А как ее кормить, чем?

– Я потом расскажу, распечатки дам. Но вы все-таки хорошенько подумайте. Пока маленькие, кажется – игрушка. Все щенки, породистые и дворняги, очень симпатичные и трогательные. Не успеете оглянуться, как вырастет, сядет вам на шею, ляжет на вашу кровать – это в полном смысле слова, будет командовать и строить всех. Ризен обязательно захочет стать главным в стае, ну в вашей семье. Передавить его можно только силой характера, постоянно доказывая, что его место не первое.

Ксюша говорила, а сама все больше укреплялась в решении: не отдам этим теткам щенков.

Черт с ним, где три собаки, там и пять, если нормальных хозяев не сыщется. Тем она и завершила свое напутствие:

– Извините, не обижайтесь, но щенков я вам не продам.

– Как же так? – в унисон воскликнули Ира и Полина, не прошедшие конкурсного отбора. Они прижали щенков к груди – ясно, понянчились и уже душой прикипели.

– Поймите, – уговаривала Ксюша, – я вам добра желаю! Вы собак избалуете, они будут у вас как сыр в масле кататься, а вы проститесь со спокойной жизнью.

– Но, Ксения! – взмолилась Полина. – Если бы вы знали, почему мне нужна собака!

– Аналогично, – поддакнула Ира. – У меня сын вундеркинд, он на улице не гуляет, а целыми днями за компьютером сидит.

– Вопрос продолжения жизни и памяти, – непонятно заявила Поля.

– Будущего моего ребенка, – сказала Ира.

– Не знаю, – с сомнением вздохнула Ксюша. – Если честно, я собак больше, чем людей, люблю. Собака может нагадить в неподобающем месте, но никогда тебя не предаст.

Ирина и Поля с энтузиазмом закивали в ответ.

– Не врубаетесь! – остудила их пыл Ксюша. – У собаки должна быть ее собачья счастливая жизнь.

– Конечно, – подхватила Поля, – чтобы всегда накормлена и чистая.

– Эмоционально удовлетворена, – как девочка-отличница, ответила Ирина.

– Мура! – отрезала Ксюша. – Собака служит человеку сто пятьдесят тысяч лет! Служит! Это единственное животное, для которого смысл жизни в служении людям.

– А лошади? – спросила Ира.

– Корова молоко дает, – заметила Поля.

– Лошади, коровы, – хмыкнула Ксюша, – еще скажите – бараны и свиньи. Почему же вы поросенка не хотите завести?

Ирина смутно представляла, как ей будет служить симпатичный щенок, разительно отличавшийся от устрашающей взрослой особи, но поспешила Ксюшу заверить:

– Мы с сыном будем неукоснительно следовать вашим инструкциям.

– Я без этой куколки, мусички чернявенькой, – Поля прижала к себе щенка, – отсюда не уйду. Хотите, в два раза больше заплачу?

– Не умею торговаться, – поддержала Ирина, – но на удвоенную цену согласна.

– Разве в деньгах дело? – в сердцах воскликнула Ксюша. – У меня сейчас этого добра – хоть задницей ешь!

Она видела, что женщины полюбили маленьких ризенов той странной любовью человека к собаке, без которой не было бы и ответной. Если теперь они уйдут несолоно хлебавши, купят других щенков, в их душах навсегда поселится убеждение, что ее, Ксюшины, собачата и были самыми родными, как свои дети.

– Ладно, – вздохнула новоявленная миллионерша. – Берите. Я расскажу, как за ними ухаживать и воспитывать, постарайтесь запомнить. Хотя, конечно, без опыта, первый раз... о-ох...

– Мы уже купили кое-какую литературу, – сообщила Ира, – но, с вашего позволения, я законспектирую, – и достала блокнот.

– И мне дайте бумагу и ручку, пожалуйста, – трогательно попросила Поля.

Ксюша велела перейти на кухню, там удобнее за столом писать. От долгого говорения у нее пересохло в горле.

– Давайте винца выпьем? – предложила она. – У меня повод. Наследство получила и щенков последних отдаю. Больше своих собак вязать не буду.

Покупательницы охотно согласились.

Они распили одну бутылку сухого под наставления и собачьи истории, которые Ксюша знала в изобилии. Для Ксюши стакан вина – меньше привычной дозы, а Ирина и Поля основательно захмелели.

Поля расчувствовалась, подумала о том, что не доживет до совершеннолетия собачки, пустила слезу.

– Вот вы наследство получили, – всхлипнула она, – а у меня такое! Скоро помру. Опухоли нашли злокачественные, и, главное, повсюду: в голове, в печенках и в коленках. Муж как узнал, на руках меня носит. Недолго уже осталось, – причитала Поля.

Ксюша и Ирина растерялись. Не знали, что сказать. Да и есть ли слова утешения в таком горе?

– Я, конечно, не специалист, – пробормотала Ира, – не практикующий врач. Но теоретически невозможно, чтобы в мозгу, во внутренних органах и в коленных суставах были опухоли одного типа. Наличием разнородных образований в организме занимается мой однокашник. Поля! – Ирина заговорила увереннее. – Давайте, он вас посмотрит! Он работает в онкологической клинике на Каширке, очень хороший специалист.

– Для экспериментов? – уныло спросила Полина.

– Не отказывайтесь! – настаивала доктор наук. – А если появится шанс? Пусть ничтожный, но шанс?

– Соглашайся! – подхватила Ксюша. – Ничего, что я на «ты»? Хватит нам выкать, давайте проще. Выпьем за это. – Она достала вторую бутылку.

– Я совсем пьяная, – призналась Ирина.

– И меня развезло, – шмыгнула носом Поля.

Ксюша настолько прониклась горем Поли, что решила утешить ее собственными проблемами.

– А я пью, – призналась Ксюша.

– И мы тоже, – удивилась Ира.

– Надрались, – поддакнула Поля.

– Нет, вы не поняли. Я пью одна. Каждый день. Бутылку, а то и две вина. Регулярно. Это наследство мне – тьфу! На кой черт? Была дочка... теперь нет. Ничего у меня нет, кроме собак. Спиваюсь и наследство грязное тоже пропью. Назло моему мужу, который сдох, сволочь. Давайте его помянем? Я так его любила!

Ксюша поведала историю своей жизни, не скупясь на краски и крепкие выражения. Грех было не выпить за такие страдания и нечаянное наследство.

Малейшее подозрение, что кто-то может узнать ее тайну, приводило Ирину в ужас. А уж самой рассказать – совершенно невыносимо. Но сложились необычайные обстоятельства. Во-первых, она опьянела. Во-вторых, ей было безумно жаль несчастных женщин. В-третьих, она не желала неоправданно выступить благополучной особой, когда на самом деле все складывается мучительно.

– Я мучительно страдаю, – заикаясь, призналась Ира. – Я влюбилась. Чудовищно, невыносимо! В плейбоя!

Собутыльницам ее проблема показалась оскорбительно мелкой на фоне их несчастий.

Ирина всегда отличалась умением четко излагать мысль. Но тут она в объяснениях путалась. То описывала Никиту, то приводила научные выкладки, то восхваляла мужа, то анализировала собственные ощущения. Длинно рассказывала про три этапа любви по Платону и ошибочные гормональные теории. Она испытывала восторг, потому что неожиданно могла выговориться, и облегчение – внутреннее эмоциональное давление понизилось. Ксюша и Поля научную часть ее речей понимали плохо, но не перебивали и терминов не просили объяснить. Видать, у женщины накопилось и бежало через край.

– Влипла! – констатировала Ксюша.

– Угораздило бедную, – сокрушилась Поля.

– Я... – пьяно бормотала Ирина, – я в растерянности. Мне более нечего читать и изучать по данному вопросу. И вижу его каждый день, и я... умира-а-аю!..

– И я! – вторила Поля.

– Живой труп! – обзывала себя Ксюша. – Выпить больше нечего. Может, я сбегаю?

Поля и Ирина возразили – на ногах не стоим.

Ксюша слегка норму перебрала, а Ирину и Полю развезло основательно, потому как непривычные. Ксюша их заночевать у себя пригласила, но они отрицательно головами мотали. Как они поедут домой пьяные и со щенками?

– Пр-р-ромоем желудка. – Ирина потянула Полю в ванную.

Они шли обнявшись и шатаясь в узком коридоре от стены к стене.

То, что происходило в ванной, лучше оставить за ее дверью. Умытые, с мокрыми волосами на лбу и висках, еще не трезвые, но уже испуганные, Ира и Поля влили в себя крепчайший кофе, сваренный Ксюшей. Через полчаса Ира и Поля стали почти похожи на себя до визита к продавщице собак.

Ксюша вызвала такси, а от денег за щенков наотрез отказалась. Договорились созваниваться каждый вечер, чтобы Ксюша могла контролировать воспитание собак, и вообще, мол, приятно было познакомиться, давайте не теряться.

Возможно, разговор на Ксюшиной кухне никогда бы не перерос в дружбу. Выпили, разоткровенничались – с кем не бывает. Вспоминали бы потом с долей сожаления о собственной несдержанности и постарались выбросить из памяти приступ пьяной искренности. Если бы не маленькие веселые существа, которые поселились у Ирины и Поли.

Женщины болтали по часу каждый вечер (Ксюша по два). Кроме щенячьих забот, была еще Ирина любовь и Полино исследование. Ирина мягко убедила Ксюшу лечиться от алкоголизма. Поля горячо поддержала. Так слово за слово, сочувствие за участие, и они постепенно вросли в жизнь друг друга. И теперь бездетные Поля и Ксюша давали советы Ирине, как воспитывать сына. Поля и Ирина расписывали Ксюше прелести трезвой жизни. Ирина и Ксюша в режиме хосписа поддерживали тонус обреченной Полины.

Ксюша с улыбкой наблюдала-слушала, как между двумя собачницами-новобранцами возникает конкуренция, чей щенок лучше. Прямо, конечно, не говорилось, но постоянно звучало: моя на кличку уже отзывается, а моя только на газетку ходит, а моя на улицу просится, а моя голос подает.

Полина назвала свою собаку Джери. Ирина и Лева остановились на имени Ева.

– Совершенно не собачье, – убеждала их Ксюша. – Должны быть звучные согласные, их собака хорошо слышит.

Но Ева под стать хозяевам демонстрировала выдающиеся способности и свое имя легко запомнила.

Лева в ней души не чаял. Ирина, конечно, ко всему подходила с научных позиций.

– Потрясающе многогранна человеческая психика, – говорила она. – Причем есть грани, о которых мы не подозреваем, и они проявляются, только когда возникает новый возбудитель. Это аналогично живой клетке. Мы вводим в нее химическое вещество, не существующее в живой природе, только изобретенное, а клетка дает ответ, словно в ней существует некая суперпрограмма.

– О чем ты? – не поняла Ксюша.

– О Евочке. Мы слевой испытываем такой восторг и умиление, которые не могли бы вызвать никакие другие обстоятельства.

– Подождите, – радовалась Ксюша, – вот Ева вырастет, и вы узнаете, что такое абсолютная безрассудочная любовь. Бывает, хозяин дрянная последняя, мучает собаку, а она к нему приязана – не оторвешь ни за какие коврижки. Собака – единственное животное, которое воспринимает человека как божество и всю жизнь ему поклоняется.

Полина и Василий, в доме которых никогда не звучал детский плач и смех, обрушили на Джери запасы неизрасходованной родительской любви. Поля даже немного обижалась в глубине души: муж так веселился после каждой проделки щенка, так радовался маленькой хулиганке, будто и забыл о роковых диагнозах жены.

Ксюша знала, что все их уверения «мы очень строго, как ты велела, с ней обращаемся» не стоят ломаного гроша. Конечно, балуют. Ева разрыла и сбросила на пол горшки с комнатными цветами. Иринино и Левино утверждение «была крепко наказана» означало, что перед носом щенка помахали сложенной в трубочку газетой и попросили больше так не делать. Джери умудрилась открыть холодильник и слопать зразы с яйцом и зеленым луком. Вася и Поля, вместо того чтобы намылить ей холку, причитали над вздувшимся животом проказницы.

Медицинские страсти

Решение обследоваться стало своего рода маленьким бунтом Поли против нависшего над ней злого рока и покорности, с какой Вася принял этот рок. Бунтовать открыто Поля не решалась и потому отправилась в онкоцентр на Каширском шоссе тайком от мужа.

Врач, рано поседевший, усталый и очень занятой, спросил Полю, на что она жалуется.

– На опухоли в мозгах, печени и коленках, – привычно перечислила Поля.

– Кто установил диагнозы? Где выписки?

– В кремлевской больнице, – не без гордости ответила Поля. – А выписки не отдадут, потому что по просьбе мужа держат в тайне.

– Как вас лечили?

– Никак. Поздно! – Горький вздох.

«Чушь собачья», – подумал врач и мрачно сказал вслух:

– Поздно бывает только на том свете.

Доктор внимательно посмотрел на пышущую здоровьем Полю. Она явно смахивала на шизофреничку. А эти пациенты – не его профиль. Подобные мании нередки. Взбредет человеку в голову, что он косточку от вишни съел, и теперь у него дерево внутри растет, или воды из родника напился, головастика проглотил, и лягушка в желудке выросла, квакает. Случалось, выставит врач такого пациента за порог, а тот пойдет и от отчаяния из окна выбросится. Точку зрения – надо разрезать, зашить и сказать, что дерево (лягушку) вытащили, – онколог не раз-

делял. Завтра чудика покажется, что у него копыта растут, и он день и ночь будет пятки драить. Психов – в психушку, и чем быстрее, тем лучше.

Онколог не отправил Полю к психиатрам только потому, что ее рекомендовала Ирина Выхина, ученый в высшей степени профессиональный и трезвый.

Врач пододвинул к себе стопку бланков и принялся выписывать направления на анализы и обследования. Он пробурчал, что их можно сделать бесплатно, по очереди и нескоро, а можно – быстро, но за деньги. Поля решила, что экономить не будет, да и неизвестно, сколько ей осталось, поэтому выбрала вариант «быстро и за деньги».

Через две недели после начала Полиного обследования Ирина позвонила Ксюше:

– С Полиной беда. Немедленно отправляюсь к ней.

– Уже началось? – испугалась Ксюша.

– Не знаю. Она крайне возбуждена и твердит что-то несусветное.

– Повтори. Что она говорила?

– Цитирую дословно. Полина сказала, кавычки открываются: «Я так пукала, так пукала.

Он говорит, а я пукаю с треском», кавычки закрываются.

– Бред какой-то, – изумилась Ксюша. – Что она делала? Пукала?

– Очевидно, имелось в виду «испускала кишечные газы».

Ксюша уточнила понятие, вспомнив народное слово для обозначения этого физиологического отправления.

– Можно и так сказать, – подтвердила Ирина. – Поля точно невменяемая, сейчас же еду к ней.

– Я тоже, – подхватила Ксюша.

Когда они заявили к Полине, та уже немного успокоилась и могла толком рассказать, что произошло.

Полину обследовали вдоль и поперек. Она сдала все возможные анализы. Ее послойно просвечивали рентгеном, исследовали ультразвуком. В нее вставляли шланги сверху и снизу. «Снизу» – это в кишечник, называется проктоскопия.

В промытый кишечник Поли загнали много воздуха, будто шарик надули, и только потом провели обследование. Как назло, сразу после проктоскопии Поле нужно было идти на беседу к врачу.

– Такой стыд! – Полю передернуло от воспоминаний. – Представляете, он говорит, а из меня с треском воздух выходит. Он слово – я в ответ тыр-тыр-тыр, он слово – я пук-пук-пук. Ужас! Чуть не умерла от позора. Хорошо, хоть без запаха. Минут десять говорили, то есть он говорил, а я только громко пукала.

– Какие мелочи! – перебила ее Ирина. – Ты главное скажи! Что обследование показало?

– Я совершенно здорова. Как бык. То есть корова. Ни одной опухоли. Даже бородавки не обнаружили.

– Здорово! – захлопала в ладоши Ксюша.

– Слава богу! – воскликнула Ира. – Что же ты не радуешься? Какое счастье!

– Боюсь поверить, – призналась Поля. – Вдруг ошиблись. Вася понапрасну не стал бы говорить.

– Чего проще сравнить предыдущие данные обследований и последние? – удивилась Ира.

– Васе-то я ничего не говорила! В секрете держала, чтобы не травмировать. И предыдущих анализов у меня не было, в поликлинике не выдают. Вот жду теперь Васю. Придет – расскажу. Он добьется, чтобы выдали. Ой, девочки! Чем же я вас угощать буду? У меня только щука фаршированная и картошечка с сыром, запеченная в сметане.

Вася пришел домой, когда с ужином, обильным и вкусным, дамочки покончили. Полина, терзаемая надеждами, сомнениями и воспоминаниями о пережитом позоре, с ходу затараторила:

– Это мои подруги, Ирина и Ксюша. Вася! Я совершенно здорова!

– Приятно познакомиться! – раскланялся Вася. – Конечно, здорова. Вы нашу Джери видели? Где эта разбойница?

– Подожди! – остановила его жена. – Ты ведь говорил Зойке, что у меня опухоли во всех внутренностях? А она сказала Маше, Маша Веронике, Вероника Клаве, Клава Маше, а Маша Лене. Все мои сестры и братья знают! Они уже мои наряды делят.

– Мы договорились не вспоминать, – досадливо сморщился Вася.

– Как не вспоминать? То есть да, не говорить, что мои дни сочтены.

– Глупости несешь! – Василий начал злиться на жену, которая при посторонних выясняет отношения.

Поля по натуре была женщиной мягкой и доброй, истерик никогда не закатывала, хилый мир предпочитала любой ссоре. Но бывают обстоятельства, что и ангела до бешенства доведут. Вопрос жизни и смерти был именно таким обстоятельством.

– Ты говорил Зойке или нет? – громко потребовала Поля.

Василий выразительно посмотрел на гостей, обескураженно наблюдающих за семейной сценой.

– Мы на кухне подождем, – поднялась с дивана Ксюша и потащила за собой Ирину.

На кухне Ирина зашептала:

– Неудобно. Нам следовало бы уйти и не смущать своим присутствием.

– Удобно! – отрезала Ксюша. – Речь идет о ее здоровье, не фунт изюма.

Им не приходилось прислушиваться, семейный разговор шел на повышенных тонах.

– Говорил или нет? – допытывалась Поля.

– Ну, говорил.

– Зачем?

– Она хотела женить меня на себе.

– Зачем? – глупо спросила Поля. – А как же я?

– Хватит старое ворошить! Ведь я не разошелся с тобой и не женился на ней! Чтобы Зойка отстала, я про болезни сказал.

– У тебя с Зойкой было! – ахнула Поля.

– Ты же меня простила! – напомнил Вася. – Сама сказала: давай забудем, не будем вспоминать. А теперь концерт устраиваешь!

– Я такого не говорила! – кричала Поля. – Я думала, что умираю! Скотина! Мало того, что изменял мне с сестрой, так еще и похоронить хотел! Собаку для тебя завела. А ты мне колечко с сережками? Откупился? Я дни считаю до гибели, а ты, кобель паршивый, по чужим койкам прыгаешь? Меня, безвинную, через задний проход надувают!

Вася о процедуре проктоскопии не ведал. Решил, что Поля грубыми словами описывает вред, который он ей нанес своим романом с Зойкой. Но ведь сама говорила, что простила! Плакала и трютюхуськой называла! Он думал, что его жена святая, а она выражается как базарная скандалистка!

На кухне Ксюша тихо спросила Ирину:

– Ты что-нибудь понимаешь?

– Судя по всему, – так же тихо ответила Ира, – логически все выстраивается следующим образом. У Василия был роман с одной из сестер Поли. Чтобы оправдать отсутствие серьезных намерений, он придумал несуществующие болезни жене. Об этом стало известно Поле, только в части диагнозов, а не измены.

– Подлец! – в сердцах обозвала Васю Ксюша.

– Она пережила страшное время, – согласилась Ира.

Семейная баталия продолжалась. После громкого обмена упреками послышалась какая-то возня, звуки хлопающих дверей, беготня.

– Не отдам Джери! – кричал Вася.

– Моя собака! – вопила Полина. Очевидно, они вырывали друг у друга щенка.

И только когда послышался жалобный и тонкий щенячий визг, потасовка прекратилась.

Выиграла Полина. Она пришла на кухню, растрепанная, красная, гневная, передала Джери Ксюше:

– Возьми! Ноги моей здесь больше не будет! Пусть питается в столовках! Ухожу! Подождите, вещи соберу.

– Поля, – увещевала Ирина, – поспешные решения не всегда бывают самыми мудрыми. Ты сейчас в состоянии аффекта.

Поля расслышала – «эффекта». Она мелко закивала:

– От такого эффекта, девочки, у меня все поджилки трясутся. И воздух в кишечнике, как назло, кончился. Надо было не доктору, а Ваське прямо в харю автоматную очередь выпустить! Я ему этого никогда не прощу! Так меня опозорить!

Ирина подумала, что ни радостное известие об отсутствии страшных болезней, ни печальное об измене мужа не потрясло Полю в такой степени, как оскорбила нелепая сцена в кабинете у доктора. Поэтому Ирина попыталась вступить за Васю:

– Его вина в твоём, как ты говоришь, «позоре» только косвенная!

Ксюша возмутилась:

– А Зойку он тоже косвенно оприхаживал? У Поли еще десяток сестер, не считая двоюродных – далеко ходить не надо. Вася теперь всех их будет пользоваться? По очереди? Диагнозов на Полю не хватит! Надо проучить этого бабника! Поля, собирай манатки. У меня поживешь.

Бабник сидел в кресле, злой и насупленный. Со сложенными на груди руками смотрел на экран телевизора, где извивалась облаченная в змеиный наряд певица. Все женщины сейчас казались Васе змеиным отродьем, и он даже попытки не сделал остановить жену, бросающую в чемодан тряпки.

Так Полина переехала к Ксюше. Обе не работали, не ходили каждый день на службу. Возились с собаками, вели немудреное хозяйство и душевные беседы. Ездили в гости к Ирине, или она заглядывала к ним, обедались Полиной стряпней.

На повестке дня стоял следующий медицинский акт – лечение Ксюши от алкоголизма. Она не противилась, но в удачу не верила. Точнее сказать, с утра Ксюша была всячески за избавление от пагубной страсти, а к вечеру, когда организм требовал привычного допинга, мрачнела и обзывала всех врачей шарлатанами.

Нарколога предложила Поля, того самого, что вылечил ее брата Колю, четвертого по старшинству, между Полей и Клавой. Залечили Колю глубоко и прочно – он даже конфеты с ликером отказывался есть и пить капли на спирту. А раньше уходил в запои на месяц, таскал из дома вещи и гонялся за женой с тесаком.

Прежде чем допустить специалиста антиалкогольного профиля до Ксюши, с ним встретила Ирина и познакомилась с сутью методики. Суть эта, для Ксюши тайная, Ирину удовлетворила.

Две недели до ударного лечения от алкоголизма Ксюше нельзя было пить. Подруги всячески старались облегчить ее «просушку», отвлекали по вечерам, ходили в кино, в театр и даже один раз на симфонический концерт. Лева, сидя между Полей и Ксюшей, исподволь наблюдал, как они мужественно борются со сном. И все-таки во втором отделении тетю Полю убаюкали серенады Брамса, а тетя Ксюша всхрапнула под этюды Шопена. Лева их вежливо растолкал.

В конце Поля и Ксюша энергично хлопали стоя. На выходе сказали, что классическая музыка – это великая сила, особенно когда слушаешь ее живьем в первый и в последний раз. Больше их в консерваторию не заманишь. Только оперетта!

Нарколог занимался Ксюшей, а Поля и Ирина увели собачью свору на прогулку. Им было приказано отсутствовать полтора часа.

Сначала врач усадил Ксюшу за стол. Размахивал перед ее лицом блестящим шариком на веревочке, велел глаз с него не сводить и бормотал заклинания.

«Голову морочит, гипнотизер недорезанный», – думала Ксюша.

Потом он уложил ее на диван и сделал укол в вену. Ксюша, кроме боли от иголки, ничего не почувствовала. В том числе и исчезновения желания выпить, которое грызло ее постоянно. Тайком от подруг она к бутылочке, спрятанной в коробке с зимней обувью, все-таки прикладывалась. Может, поэтому и лечение не получалось? Зря деньги отдала. Нарколог посмотрел на часы:

– Так, продолжаем!

Он открыл свой портфель и достал бутылку водки и пластиковый стакан.

– Не желаете?

– Желаю! – с вызовом ответила Ксюша.

Она лихо опрокинула водку, демонстрируя врачу, что его лечение никуда не годится.

Через три минуты она стала умирать. От всех болезней сразу. Ядовитые мелкие пираньи вонзились в каждую клеточку тела, а жестокие акулы выхватывали по большим кускам. Мозги рвались наружу из черепной коробки. Кости ломались и гнулись, как резиновые. Сердце оставалось от боли. Легкие не захватывали кислород.

Ксюша обливалась холодным потом, дрожала и тихо верещала:

– Помогите! Спасите! Я умираю.

Врач спокойно взял ее за руку, посчитал пульс. Достал аппарат и измерил давление. Напевая простенький мотивчик, он вышел из комнаты.

Нос у Ксюши работал – она почуяла запах дыма. Курит, убийца! А она на краю могилы. Были бы силы, ползком добралась бы до окна и вывалилась наружу – лучше разом кончить, чем терпеть такое.

Через некоторое время исчезли и мысли о самоубийстве. Сознание заполнилось липкой черной массой. Это была уже не боль, а сверхчеловеческое страдание. Ксюша отдавала концы.

Нарколог наклонился над ней, приподнял веки, проверил реакцию зрачков. По-прежнему весело напевая, он распахнул свой чемоданчик с медикаментами и стал возвращать Ксюшу к жизни.

Когда пришли подруги, врача уже не было. Ксюша, с мокрыми от пота волосами, бледная до зелени, лежала на диване и смотрела в потолок. Она переваривала слова нарколога, которыми он «кодировал» ее перед уходом.

Принятие спиртного будет теперь сопровождаться подобной реакцией. Препарат, который ей ввели, со временем набирает силу, и никакая реанимация Ксюшу не спасет. Он, нарколог, работает с абсолютной гарантией, которую может дать только смерть. Если Ксюша еще раз приложится к стакану – отправится на тот свет, предварительно испытав мучения, по сравнению с которыми сегодняшний приступ – легкая царапина.

– Что он с тобой делал? – всполошилась Поля. – На тебе лица нет.

– Он показал мне ад, – ответила Ксюша.

Ирина внимательно на нее посмотрела. В ад Ксюша действительно поверила.

Глава пятая, в которой меняются обстоятельства и возникает смелый план борьбы с лишним весом

Тайны подземелья

Знакомиться с недвижимым имуществом, доставшимся от не в бозе почившего мужа, Ксюша отправилась вместе с подругами.

Небольшой поселок, полтора десятка коттеджей, находился в двадцати километрах от Кольцевой автомобильной дороги и был обнесен высоким забором. Охранники у железных, вроде тюремных, ворот долго проверяли Ксюшины документы, звонили куда-то по телефону. Ирина и Поля спокойно ждали в стороне, а Ксюша смотрела волком. Как и предупреждал врач, после лечения от алкоголизма у нес наступила депрессия. Проще говоря – злость на весь мир. Но мир ничего плохого ей не сделал, во всем виноват бывший муж. Поэтому Ксюша решила: если в доме воняет Костином, если там сохранился его дух, она найдет взрывчатку или откроет газ и взорвет дом к чертовой бабушке.

– Значит, вы вдова и теперь будете у нас жить? – уточнил охранник, возвращая бумаги.

При слове «вдова» Ксюша издала протестующий рык:

– Не твое свинячье дело!

Хотела еще объяснить ему про «у нас жить», но Поля и Ирина потянули ее от греха подальше.

Дома из красного кирпича, совершенно одинаковые, точно сошедшие в конвейера, выстроились в линию. Вокруг каждого газоны и молодые сосенки. Невысокая, в метр, кованая ограда разграничивает участки. Ксюшино владение последнее в ряду, за ним каменный забор с колючей проволокой поверху и железной дверью с амбарным замком.

Они прошли к дому по мощенной природным камнем дороге. Слева по фасаду высокое крыльцо, ступеньки поднимаются на площадку, где находится дверь в обретенные апартаменты. Справа большие двустворчатые ворота гаража. С него и решили начать экскурсию.

В гараже подруги увидели три средства передвижения – похожий на катафалк джип с затемненными стеклами, трехколесный мотороллер вроде большого детского велосипеда и с огромными колесами и такой же мотороллер, но на полозьях вместо колес – снегоход.

Ирина подошла к джипу и, придерживая очки, склонилась над фирменным значком на капоте.

– «Мерседес», – констатировала она, – это очень дорогой автомобиль.

– Плевать, – отрезала Ксюша и распахнула дверцу.

Она все ждала, когда в нос ударит запах покойника мужа. Но в салоне пахло натуральной кожей, которой были обиты сиденья.

Подруги были равнодушны к автомобилям, им не терпелось осмотреть дом. Они на минутку заглянули в чулан, где стояли бойлеры, электрические насосы и другие приспособления жизнеобеспечения. Вышли на улицу и поднялись на крыльцо.

Ксюша гремела ключами, подбирая их к четырем замкам, и бурчала под нос ругательства.

– Твое волнение понятно, – успокаивала Ирина.

– Эх, – вздохнула Поля, – нам бы такой домина в детстве. А то спали по трое в койке.

Они прошли по короткому коридору, распахнули дверь в торце. Впереди была темнота и какое-то неясное поблескивание.

– Надо свет включить, – прошептала Полина. – Где выключатель?

Им вдруг стало не по себе: будто в замок с привидениями появились.

Ксюша в очередной раз чертыхнулась и решительно шагнула вперед, выставив перед собой кулаки, готовая к схватке с призраком Костика. Она врезалась в дверь. Та распахнулась, и впереди забрезжил свет. Полина и Ира быстро прошмыгнули следом.

Они оказались в гостиной с тремя узкими и длинными, как бойницы, окнами. Подруги боязливо осматривались: камин, диваны и кресла, ковер на полу, телевизор, музыкальная система, длинный обеденный стол с дюжиной стульев вокруг. Ксюша водила носом, но Кости-ком не пахло. Витали запахи ремонта, новой мебели и застарелой пыли.

– Эта сволочь здесь не жил, – буркнула Ксюша.

– Да, – согласилась Ира, – похоже, обителю не успели воспользоваться. Все новенькое, из магазина, не обжитое.

– А где кухня? – Полина беспокоилась о том, что ей роднее.

Прежде чем обнаружить кухню, они нашли маленький спортивный зал с тренажерами и просторную винную кладовую. Увидев стеллажи с бутылками в углублениях, Ксюша закашлялась – дух перехватило.

На кухне Полина издала завистливый вздох. Просторная, оборудованная по последнему слову поварского дизайна. Электрическая плита в центре, над ней раструб воздушной вытяжки. На специальных кронштейнах висят сковородки, кастрюли, судочки, дуршлаки. Вдоль одной стены выстроились холодильники, морозильники, духовки, микроволновая печь, полки с кофеварками, тостерами, микродуховкой, портативной хлебопечкой и другими аппаратами, назначение которых для Ксюши и Ирины было тайной. У другой стены находились рабочие столы с таким количеством разнообразных ножей на подставках, что банде бы хватило вооружиться. Возле окна небольшой обеденный стол – для завтраков. И все опять-таки новенькое, нетроганое.

Полина сняла с крючка кастрюлю, взвесила в руке. Перевернула, восхищенно пискнула, прочитав марку на дне:

– Швейцарская! Ох, девочки, если бы вы знали, как я скучаю без своей посуды! У меня есть одна сковородочка, я на ней блинчики пеку тоньше листа бумаги.

Полину едва увели из кухни – надо еще второй этаж посмотреть. По лестнице поднялись в небольшой холл. Из него двери вели в четыре спальни, каждая решена в одном цвете – розовая, голубая, зеленая и золотистая. Соответственно подобраны обои, шторы, обивка мебели и картины на стенах. Дизайнер не особо утруждал себя в выборе обстановки, и спальни походили на гостиничные номера.

Ирина обратила внимание подруг на красивый вид из окон второго этажа. Сразу за забором начинался лес. Он спускался к речке, а за ней – зеленые холмы, рощицы.

– Сделай тут себе рабочий кабинет, – предложила Ирина, которая давно мечтала о подобном кабинете.

– Собак подстригать? – хмыкнула Ксюша.

– Что ты хмуришься? – Полина ласково погладила ее по плечу. – Радоваться надо, экое богатство привалило!

– Я Костику не доверяю.

– Но ведь он умер! – разумно напомнила Ирина.

– Все равно! – стояла на своем Ксюша. – Он большой подлец и мелкий пакостник, из могилы вредить будет. Я нюхом чую, то есть не чую, а уверена: и в этом доме какая-нибудь гадость спрятана.

– О мертвых плохо не говорят, – осуждающе покачала головой Полина и вспомнила о странном помещении сразу за входной дверью. – Девочки, темная комната, которую мы быстро проскочили, что там?

– В гостиной есть подсвечники. Зажжем свечи и посмотрим? – предложила Ксюша, которую пугало сознание того, что дорога на волю проходит через жутковатый участок.

– Замок Дракулы, – попыталась пошутить Ирина, но нагнала еще больше тревоги.

С зажженными канделябрами в руках они робко вступили в мрачное помещение. Тусклый свет из двери и дрожащий от свечей заиграл на стене.

– Спокойно! Это зеркало! – сказала Ксюша.

– Где тут свет включается? – подала голос Поля.

– По логике, выключатель должен находиться около входной двери, – заметила Ирина.

Они кружили по комнате, будто странный танец со свечами исполняли. Наконец Полина нашла выключатель, и вспыхнул яркий свет.

Это был холл-прихожая, с вешалками для одежды и громадным, от потолка до пола, зеркалом. Подруги застыли, рассматривая свое отражение.

Три упитанные грации: Ксюша – бочонок на ножках, у Полины фигура тяжелоатлета, Ирина походит на большую грушу. Они дружно испустили горький вздох и подумали об одном и том же: «До чего же я толстая!»

Ксюша поставила свой подсвечник на полку и в досаде стукнула ногой по стене. В следующую секунду она завопила от ужаса. Полина и Ира испуганно взмахнули руками, их канделябры скрестились, как мечи, горящие свечи посыпались на пол. Зеркало ехало в сторону! Оно тихо поскрипывало, позванивало и двигалось на полозьях влево. Дошло до угла и остановилось. Теперь подруги стояли перед тяжелой стальной дверью вроде тех, что бывают у банковских сейфов.

Первой пришла в себя Ксюша. Она затаптывала огонь и восклицала:

– Я вам говорила? Говорила? Обязательно какая-то подлянка должна быть.

– Что ты сделала? – прошептала Ира. – Почему оно поехало?

Ксюша присела на корточки. Чуть выше плинтуса она обнаружила едва заметную выступающую пластинку. Ударил по ней кулаком, и зеркало вернулось на место.

– Может, милицию вызвать? Или службу спасения? – боязливо предложила Полина.

– Взорвать не глядя! – ответила Ксюша.

– Чего мы, собственно, испугались? – дрожащим голосом спросила Ира. – Дом новенький, с иголочки. А там, – она показала на зеркало, – там, возможно, сокровища... Синей Бороды... – добавила она тихо.

Полина сбегала на кухню, вернулась с тремя ножами и вооружила подруг.

– Как дурочки, – хмыкнула Ксюша, глядя на их отражение, – то с канделябрами, то с тесакми.

Она стукнула по пластинке, зеркало поехало в сторону. Его движение, спрятанная потайная дверь – в этом было что-то киношное, ненастоящее, из фильмов про замки и тайные преступления. Подруги нервно посмеивались и чувствовали себя впадшими в детство девчонками, жаждущими приключений.

С наружной стороны в стальной двери был только один врезной замок, Ксюша быстро подобрала к нему ключ и потянула за ручку. Дверь легко, без скрипа, открылась. С внутренней стороны она запиралась на несколько засовов, в том числе один в виде маленького штурвала. Сразу за дверью находилась площадка в пять квадратных метров, а дальше черный провал. Ксюша увидела на стене электрический щиток и включила рубильник. Провал осветился, оказалось – лестница вниз.

– Стойте здесь, – распорядилась Ксюша, – я проверю и вас позову.

– Глупости! – возразила Полина. – Идем вместе!

– Только сохраняйте дистанцию, – предупредила Ирина, – мы себя поранит ножами. Глупость несусветная, кого мы собираемся резать?

– Любого, кто встретится, – кровожадно заверила Ксюша. Они гуськом спустились вниз и оказались в большой комнате со столом и креслами в центре. Другой мебели не было, да и некуда ее приткнуть – в каждой стене находилось по две двери.

– Начинается самое интересное, – заверила Ксюша. Настроение у нее улучшилось – покойником или живым Костиком в доме не пахло. Возбужденные и испуганные лица подруг вызывали смех. Ксюша дурачилась. Такого с ней не случалось с незапамятных времен:

– Слушайте план! Я распахиваю дверь и делаю выпад ножом вперед. Вы меня подстраховываете сзади.

– погоди, – остановила ее Ира, – мы же культурные люди. Вначале мирные переговоры. – Она подошла к первой двери и постучала. – Простите! Здесь есть кто-нибудь?

– Что он ответил? – прошептала Поля.

– Кто? – вытаращила глаза Ирина. – Ты слышала?

– Кажется.

Ксюша, давась от смеха, приоткрыла дверь, оценила обстановку – пусто – и проскользнула вовнутрь. Она захлопнула дверь перед носом у подруг, привалилась к ней спиной и стала кричать:

– Не трогай! Подлец! Спасите! Убивают!

После секундного замешательства Ирина и Поля бросились на помощь. Они пытались распахнуть дверь, толкая ее руками, потом плечами. Ксюша вопила, но дверь удерживала.

– Я с разбегу, а ты на изготовку два ножа, – задыхаясь от волнения, предложила Поля.

Она отошла к противоположной стене, стала боком, прижав голову к плечу, как бодливая коза, шумно набрала в легкие воздух и поскакала на таран.

Штурм удался, Поля снесла Ксюшу, и они обе свалились на пол.

Жестикулируя двумя ножами и глядя на копошащихся Ксюшу и Полю, Ирина возмущалась:

– Так и до инфаркта можно довести!

– Нет, ну а что? – хохотала Ксюша. – Что вы думали тут найти? Заспиртованных покойников?

– Ты сама нас предупреждала. – Поля стала на четвереньки, прежде чем подняться. – Ой, чулок порвала. Ты говорила: ждите подлости.

Поля и Ирина никогда не видели Ксюшу такой беззаботно веселой. Потому простили розыгрыш и сами поддались ее настроению. Прежде чем распахнуть очередную дверь, они мечтали – там будут драгоценности и бриллианты, янтарная комната, чемоданы денег, золотые слитки.

Никаких сокровищ обнаружить не удалось. Три комнаты были заставлены двухъярусными кроватями, в одной располагался склад продовольствия в виде консервов, круп и макаронных изделий, последнюю занимал пульт наружного наблюдения с мониторами, телефонами и множеством кнопок. Имелся также туалет, душ и маленькая кладовка.

– Ничего не понимаю, – развела руками Ирина, – это тюрьма или общежитие?

– Схорон для банды, – ответила Ксюша. – Обжить не успели, главный бандюган в ящик сыграл.

– Зато продуктов много осталось, – подала голос Поля. – Время обедать. Сейчас обновим кухню. Берите консервы, которые я отложила.

Индекс массы тела

Полина поставила на стол приготовленный на скорую руку обед – трехлитровую кастрюлю спагетти с мясом, заправленных томатным соусом. Наваливая в тарелки горы макарон, Поля сокрушалась, что не нашлось хоть зубчика чеснока, головки лука и нужных специй.

Но и без этих ингредиентов блюдо удалось. Подруги все съели. Насытившись, принялись рассуждать о том, что надо худеть.

– Мне сон вещей был перед ошибочной смертью, – вздохнула Поля, – будто гроб подомной от тяжести ломается.

– Диеты, которые я соблюдала, – поддержала тему Ирина, – оказали противоречивое действие. Только бросишь себя голодом морить, еще больше вес набираешь.

– Носки надеть или шнурки завязать живот мешает, – пожаловалась Ксюша, – как слониха. Спать ложишься – он колышется, на бок перевернешься – он рядом растекается. Ненавижу свой живот!

Ирина заговорила о научных теориях ожирения, ни одна из которых окончательно не подтверждена. Ксюша и Полина быстро запутались в терминах и потребовали внятно объяснить, есть ли лекарства.

– Два класса препаратов, – подтвердила Ира. – Первые блокируют выработку мозгом особого гормона, отвечающего за аппетит. Вторые прекращают выделение фермента, расщепляющего жиры. Дело в том, что жиры усваиваются в тонком кишечнике. Молекулы жиров очень велики, и специальный фермент их дробит...

– купишь мне и мозговое и кишечное? – перебила Поля.

– Одной фармакологической терапии недостаточно, – покачала головой Ира. – К сожалению, нужно заниматься физкультурой для активного расхода энергии из жировых депо и гимнастикой, чтобы не обвисла кожа. И диету, конечно, соблюдать. Причем не временно, а постоянно. Словом, поменять образ жизни. Довольствоваться только биологической нормой белков и углеводов, следить за балансом витаминов.

– Девочки, – робко предложила Ксюша, – а если мы вместе? Поселимся на лето здесь и за компанию начнем худеть?

Полина идею горячо поддержала. Ей к Василию рано возвращаться, он даже прийти не удосужился. Только через сестер передавал: мол, хватит дурью маяться. Ирина сомневалась. Ксюша и Поля атаковали ее с двух фронтов: ребенок, Левочка, на чистом воздухе, питание по режиму, речка, тренажеры, велосипед купим, щенки под приглядом старших собак.

– Удобно ли, Ксюша, обременять тебя нашим присутствием? – гнула свое Ира.

– Боюсь сорваться, – выдвинула решающий аргумент Ксюша, – видали, сколько винища Костик мне подсунул?

– Хорошо! – согласилась Ирина и неожиданно попросила бумагу, карандаш, а также сообщить свой рост и вес.

Первое, с чего, по ее словам, необходимо было начать, это рассчитать индексы массы тела – относительно верный показатель ожирения. Вес в килограммах делится на квадрат роста в метрах. Пока она производила арифметические расчеты, Поля и Ксюша носились по дому и планировали свою дальнейшую голодную, но обещающую радужные перспективы жизнь.

– Как и следовало ожидать, – подвела итог Ирина, – выводы неутешительные. Индекс массы тела у манекенщиц не более двадцати. В норме он не должен превышать двадцати пяти. У меня тридцать три, у Ксюши тридцать шесть, у Поли тридцать пять.

– Переведи на килограммы, – попросила Ксюша, – сколько нужно сбросить?

– Больше десяти. Признаться, меня увлекает идея рассчитать для каждой из нас персональную программу похудения. Но я настаиваю на строго научном подходе, учитывающем индивидуальные особенности организма. Нам придется сдать анализы и пройти некоторые обследования.

– Я же только от врачей, – напомнила Поля. – И готовить по калориям не умею.

– Придется научиться, – твердо сказала Ирина. – Я выведу суточный энергетический баланс пищи, определю необходимые биодобавки минералов и витаминов, а также схему при-

ема препаратов. Как вы их назвали? Мозговой и кишечный? Сложность возникает с физкультурой, поскольку я ничего в ней не смыслю.

– Я спортом занималась, – вступила Ксюша, – метала ядро, диск и копье.

– Отлично, – воодушевилась Ира, – значит, ты разработаешь физические нагрузки. Литературу по данному вопросу я подберу.

По утрам население коттеджного поселка наблюдало странную картину. Из калитки последнего дома вырывалась свора собак. Первыми мчались два больших черных пса, следом черные щенки, которых подгонял сзади рыжий кокер. За собачьей стаей бежал худенький мальчишка в шортах, за ним, подрагивая нехрупкими телами, трусили дамы в спортивных костюмах. Охранники распахивали ворота, группа вырывалась на простор и сворачивала на тропинку, ведущую к небольшому пляжу на берегу реки.

Физрук Ксюша проводила зарядку. Поблажек не давала. Стоя перед физкультурницами, называла упражнение и требовала точного его выполнения: «Поля! Выше ногу! Раз-два! Не свалишься! Три-четыре! Ира, не хватайся за сердце! Симулянтка! Раз-два! Три-четыре! Лева, тяни носок, колени прямые! Раз-два! Три-четыре! Втянули животы, сколько втягивается. Руки на так называемую талию. Приседания. Раз-два! Что вы колени раздвинули? Как на горшок садитесь. Три-четыре! Легли на спину, пресс качаем. А у кого ноги поднимаются, кроме Левы? Старайтесь от земли пятки оторвать. Раз-два! Три-четыре! Руки за голову, наклоны вперед. Что же мы как намагниченные, ей-богу, не отлипнуть от земли! Раз-два! Три-четыре!».

После зарядки следовало купание. Стоило Ксюше сказать: «Переходим к водным процедурам!» – как собаки принимали боевые позы. Только люди заходили в речку, свора прыгала следом и «спасала» их, выталкивая на берег. Шум, гам, брызги, хохот, лай – Лева в восторге, взрослые тетеньки бултыхаются как маленькие.

Отряхнувшись, компания тем же порядком, гуськом, возвращалась домой завтракать. Ксюша, Поля и Ирина пили травяной чай с сухариком и с завистью смотрели не только на оладушки со сметаной и медом для Левы, но и на кашу с аппетитными кусками мяса в собачьих мисках.

«Мозговые» таблетки первое время не действовали – есть хотелось нестерпимо. Днем сила воли еще теплилась, но к вечеру растворялась без остатка. За хороший ужин можно было дьяволу душу продать.

На вторую ночь Ксюша не выдержала. Она встала с кровати и крадучись отправилась на кухню. «Из собачьей кастрюли, она же чистая и продукты свежие, немного похлебаю. Никто не заметит», – решила она.

На кухне горел свет. Поля и Ирина, в ночных рубашках, смущенно хихикали, а увидев Ксюшу в пижаме, рассмеялись в голос.

– Я только два кусочка колбаски хотела, – оправдывалась Поля.

– Ложка творога, – вторила Ирина, – не смертельно.

– По бутерброду? – предложила Ксюша. – Но в последний раз!

На последние в жизни бутерброды не поскупилась, булку щедро смазали майонезом, положили добрый лист салата, ломти ветчины и сыра в два этажа, слегка подогрели в микроволновке. Запивали молоком и рассуждали, как мало надо человеку для удовольствия и как после него совесть мучает.

Диктуемый новым образом жизни режим установился в первую неделю. После скудного завтрака Ирина шла работать в кабинет, в соседней комнате Лева играл на компьютере. Ксюша осваивала по книжке теорию вождения автомобиля. Поля колдовала на кухне. Стены в ее святилище были завешаны табличками с названиями продуктов, их весом и калорийностью. Чаше, чем за поварешку, Поля теперь хваталась за калькулятор, пытаясь на установленные полторы тысячи калорий готовить вкусно. Ей открылся новый взгляд на продукты – любимый материал

прирожденной стряпухи. Поля регулярно отрывала Ирину от работы вопросами вроде: «Углеводы в сельдерее засчитывать, если я его в бульон кладу?»

В полдень занимались на тренажерах. За пятнадцать минут до двенадцати Ксюша поднималась наверх – четверть часа требовалось, чтобы отодрать силой и упреками Ирину и Леву от компьютеров. Мальчика примиряло с обязательной прогулкой на свежем воздухе только то, что вместе с ним отправлялись собаки. Ирина к тренажерам относилась как к пыточным станкам.

– Не будешь заниматься, – страшила ее Ксюша, – кожа обвиснет, на шарпея станешь похожа.

На обед диетотерпивицы получали жидкий супчик да овощной салат.

– От шпината мы скоро позеленеем, – вздыхала Ирина.

– Или блеять начнем, – поддакивала Ксюша.

– А что я могу поделывать? – оправдывалась Поля. – Мы и так сегодня растительных белков перебрали!

На взгляд Левы, мама и ее подруги занимались глупостями. Сам он находился на усиленном питании, получал в обед куриный салат, борщ, телятину с картофельным пюре и горошком, компот, шарлотку и фрукты.

– Зачем мучаетесь? – спрашивал Лева с набитым ртом. – Вы прекрасно выглядите, мне нравится.

– Спасибо, милый, – улыбалась Ирина.

– Подхалим! – весело заключала Ксюша.

– Хочешь, я тебе на ужин пудинг ягодный сделаю? – предлагала Поля.

После обеда наступало личное время. Ирина и Лева снова припадали к компьютерам, Полина и Ксюша занимались домашними делами или возились на клумбах, которые они разбили вокруг дома. Вечерний променады после ужина вдоль реки Лева называл «наш привет кровососущим насекомым».

В конце первой недели весы показали, что худеющие сбросили почти по пять килограммов. Но Ирина утверждала: радоваться рано, жировые депо еще не задействованы, организмы избавились только от лишней воды.

Глава шестая, в которой добрые тети ломают компьютер, а уроки вождения завозят далеко

Родительские огрехи

После гибели дочки Ксюша старалась избегать детей. Не потому, что они напоминали Катеньку или вызывали смертную тоску. На детей было больно смотреть. Как на солнце – бьет по глазам, ослепляет. Лева, сам того не ведая, избавил Ксюшу от куриной слепоты. Волей-неволей с ним пришлось общаться и не жмуриться. Ксюшины глаза распахнулись одновременно с сердцем – она полюбила Левочку истово и безрассудно, как только Ксюша и умела.

Полина, которая в молодости сознательно лишила себя материнства, а потом, ошибочно готовясь на тот свет, осознала роковую глупость этого поступка, тоже обрушила на Леву немалый запас обожания.

Словом, и Поля, и Ксюша нещадно баловали парнишку. Он и прежде не мог пожаловаться на недостаток внимания. Конечно, скучал без папы, дедушки и бабушки, но вспоминал о них редко. Главное – рядом была мама. Теперь у него образовалось три мамы. Кто же от такого откажется или не воспользуется с удовольствием? Лева как сыр в масле катался. Он называл тетю Ксюшу на китайский манер Тексю, а тетю Полю на французский – Тюполь. Обращался к ним на «ты» – как-то само получилось. Им нравилось. Ведь родной маме он тоже «ты» говорит.

Тюполь служила ему как преданный дворецкий, даже шнурки на кроссовках норовила завязывать. Тексю учила обращаться с собаками. Раньше Лева их боялся, а теперь полностью избавился от страхов и подумывал о том, не стать ли биологом и заняться изучением поведенческих особенностей млекопитающих. Он стал на голову выше, уважал себя, будучи принятым в собачью стаю и, по подсказкам Тексю, выбиваясь в лидеры. Лева с восторгом рассказывал о характерах Сары и Дуни, Лизы, Джери и Евы, о субординации и методах поддержания порядка в стае. Его слушали с умилением. Ирина радовалась, что сын преодолел комплексы, от которых она не могла освободиться. Стоило Ирине увидеть свирепые собачьи клыки, по спине мурашки бежали. Поля готова была внимать Лева, даже если он таблицу умножения ей пересказывал. Ксюша внутренне ликовала, видя в Лева родственную душу.

Но у Ксюши и Поли был один враг. Точнее – враг Левы. Компьютер, за которым он просиживал часами. Новообращенные мамы сначала шушукались за спиной, а потом в лицо Ирине сказали: у Левочки зрение слабое, он сутулится и вообще в газетах пишут – вредно ребенку много времени за компьютером проводить. Ирина согласилась, но при этом развела руками:

– Что поделаешь? Общая тенденция. Сейчас вырастает поколение, которое в Интернете находит удовлетворение многим интеллектуальным и сенсорным потребностям.

Подруги потребовали говорить понятнее.

– Всемирная компьютерная сеть, – объясняла Ира, – заменяет и личное общение, и библиотеку, и кино, и концертный зал. Она позволяет вместе играть в очень сложные игры людям из разных стран. Это затягивает и отгораживает человека от внешнего мира, потому что он приобретает другой мир, где царствуют иные системы ценностей. Слабости незаметны, а сильные стороны многократно увеличиваются.

– Ты говоришь так спокойно! – воскликнула Ксюша.

– Это ведь наркотик! – возмутилась Поля.

– Объективная реальность, – покорно констатировала Ирина.

С вредной реальностью Ксюша и Поля мириться не собирались, но к решительным действиям перешли после того, как однажды поговорили слевой. Его спросили, знает ли он, чем мама в своей науке занимается?

– Естественно, – ответил мальчик. – Она изучает хромосомные aberrации, то есть разрывы молекулы ДНК. Уже доказано, что именно aberrации вызывают рост злокачественных опухолей. Агрегирующие клетки крови, макрофаги и гранулоциты, например, выделяют цитокины – белки, регулирующие деление клеток...

С каждым заумным словом, слетающим с уст младенца, лица Ксюши и Поли жалостливо вытягивались. Они ничего не понимали из научной говорильни, но отчетливо сознавали, что над ребенком надругались.

– У тебя нет детства, – всхлипнула Тюполь.

– Изверги! – обругала Тексю кого-то.

Леве не хотелось думать, что это его родители. Мальчик воспользовался заминкой и ушмыгнул с кухни. Тексю и Тюполь хорошие и добрые, но умственно все-таки отсталые.

Ломать компьютер решили в день, когда Ирина с сыном отправились в Москву. Добрые тети, подбадривая друг друга – ради ребенка стараемся, – проникли в комнату Левы и замерли перед злодейской машиной.

Ни Поля, ни Ксюша никогда с компьютерами дела не имели. Хотя в отделе, где Поля работала, конструкторы давно пересели от кульманов к мониторам. Сама она решительно заявила, что в жизни не освоит электронной премудрости. И трудилась на подхвате или выполняла точечную работу – вроде подтереть незаметно в чертеже одни данные и вставить другие. Поля слыла мастером подчисток и исправлений, но большую часть скудно оплачиваемого рабочего времени вязала на спицах и крючком. Ксюше в разведении щенков и стрижке собак компьютеры помочь не могли и потому были бесполезны.

– Как он включается? – спросила шепотом Ксюша и ткнула кнопку на клавиатуре.

– Понятия не имею, – тихо ответила Поля и нажала на другую кнопку.

Несколько минут они бестолково барабанили по клавишам. Компьютер молчал. Обнаружили клавиши под экраном – бесполезно, не включается. Решили проследить, куда ведут электрические провода. Они вели к железному ящику, стоящему на полу под столешницей. Ксюша вспомнила, как она ударом ноги обнаружила тайное подземелье, и заехала ногой по кнопкам на металлическом ящике. Получилось! Вражина заработал!

Ломать компьютер с помощью кувалды проще, чем голыми пальцами. Ксюша и Поля изрядно вспотели, пока добились своего. В какой-то момент им даже стало жалко машину: она жалобно пищала и выбрасывала на экран английские предложения с восклицательными знаками в конце. Но Ксюша и Поля держались твердо: одна включала и выключала компьютер, другая колотила по клавишам. Наконец при последнем включении на экране не появилась картинка с забавными обезьянками, а сиротливо высветился прямоугольник с какой-то нерусской фразой. Детолюбивые вандалки довольно потеряли руки, оглянулись вокруг – нет ли следов их разбоя – и вышли из комнаты. После обеда Поля притворно ласково спросила Леву, почему он не играет на компьютере, ведь новые игры привез.

– Проблемы с жестким диском, – ответил мальчик, – я его поставил форматироваться.

– А долго он будет форматироваться? – Ксюша с трудом выговорила длинное слово.

– Часа три.

Поля и Ксюша обменялись понимающими взглядами. Пока одна кормила Левочку слоевыми пирожками с клубникой, другая тайно пробралась в его комнату. На мониторе бежали строчки – абракадабра букв и знаков. Ксюша уже знала, что компьютер более всего не любит, когда у него прерывают этот разговор «тихо сам с собою». Она злорадно принялась стучать по клавишам.

Вечером огорченный Лева сообщил, что сбой в компьютере он починить самостоятельно не может, и системный блок нужно везти в ремонт.

– Я завтра и отвезу, – вызвалась Ксюша.

Сначала она хотела спрятать сумку с железным ящиком в гараже, но потом рассудила, что Лева будет звонить в мастерскую и справляться о компьютере. Нашла другой выход. Приехала к ремонтникам. Они запросили пятьдесят долларов и сказали, что через неделю машину можно забирать. Ксюша выложила сто и поставила условие чинить компьютер не меньше двух месяцев. Ее приняли за сумасшедшую, но деньги взяли.

Ирину в козни не посвящали, только уговорили не позволять Левочке играть на ее компьютере.

У ребенка началось счастливое детство.

Уроки вождения

Олегу Власову исполнилось тридцать пять лет. Он был высок, строен, хорош лицом и почти равнодушен к своему успеху у женщин. Его главной страстью и единственной любовью были автомобили. Сопливым дошкольником он часами простаивал у окна и замороженно смотрел на машины, проезжающие мимо их дома в Текстильщиках. Остальные люди почему-то не удивлялись чуду – железной коробке на колесах, которая, повинаясь человеческой воле, катит, тормозит, поворачивает. В школе Олег учился посредственно, не мог отличить сороку от вороны, но марки авто... разбудил ночью – назовет и все технические характеристики выложит. Автомобиль для него был живым действующим организмом, вроде тела человеческого. Двигатель внутреннего сгорания – сердце, у которого тоже вроде клапаны имеются. Электрика – нервы, крепления – суставы. Ремонтировать, то есть лечить, машины Олег научился рано. Добровольно помогал автослесарям в мастерской при кооперативных гаражах. Еще школу не закончил, его на зарплату перевели.

В армии Олегу досталось хлебное место – водителем при генерале. Демобилизовался, мечта сбылась – в команду гонщиков взяли. Но случилась авария, травмировал позвоночник, долго лечился. Тут и развод с женой подоспел. Женился Олег сразу после армии. Откровенно говоря, поспешно и на ком попало – очень хотелось. Попалась разбитная продавщица, ее визгливый голос стрелял в уши граммофонными иголками. Но у Олега не слух тогда на первом месте стоял, а когда сын родился, поздно было деру давать. Жили как кошка с собакой. Он слово, она в ответ десять. И спроси сейчас Олега, чего жене не хватало, он не ответит. Всего ей не хватало! И все он неправильно делал.

Точно первый учитель его, слесарь дядя Семен, сказал: «Знаешь, Олежка, все девушки – точно ангелы с крылышками. А женишься, линька пройдет, глядишь – баба-яга вылупилась».

Однажды после очередного скандала жена решила проучить Олега и подала заявление на развод. Думала, муженек испугается и на коленях к ней приползет. А он обрадовался, съехал с квартиры и до суда носа не показывал. Жена опомнилась, когда уже поздно было, их развели. Вела себя как в стадии тихого ангела. Но Олега не провести, все ее уловки наперечет знает. Сейчас она воркует, свитер ему на спицах вяжет, а через неделю вожжа под хвост попадет, начнет визжать поросенком резаным и обвинять, в чем попало. Олег брал на выходные сына и кормил бывшую супругу обещаниями когда-нибудь у нее заночевать. Она вызывала у него стойкую неприязнь. Даже в бессознательном состоянии он бы на нее не позарился. А тактики намеков туманных придерживался, чтобы с сыном не запрещала встречаться и в припадки не впадала.

После развода Олег остался гол как сокол – ни квартиры, ни работы. Спину от боли скручивало – зубы стискивал, слезы из глаз катились, когда в спортзале дикулевского центра

упражнения специальные делал. Но жизнь устроилась. Пошел водителем к Тофику, у него же занял десять тысяч долларов, которые почти отработал, купил комнату в коммуналке.

Тофик, у кого работал Олег, держал солидный бизнес по торговле порченым мясом. Заморские говядина, свинина и курица плыли кораблями по морю-океану, катили в рефрижераторах по железным и автомобильным дорогам в Россию гигантским потоком. И нередко оказывалось, что часть партии теряла товарный вид – зеленела или покрывалась пятнами. Для здоровья это мясо было не опасно, но его, конечно, списывали. Вывозить продукцию на свалку не позволяла санэпидемстанция. И тут появлялась команда Тофика, которая шла на выручку коммерсантам, чьей главной заботой было не задержать погрузку-разгрузку и не влететь в штрафы. Некондиционное мясо Тофик продавал по цене ниже рыночной в уличные шашлычные и в киоски с аппетитной шаурмой.

Кроме водителя Олега, Тофик держал двух телохранителей. На тухлое мясо у многих руки чесались: бизнес сверхвыгодный – за бесплатно приобрел, выгодно продал.

Загородный коттедж Тофика находился рядом с домом Ксюши.

Олег курил у машины, когда к нему подошла симпатичная толстушка из соседнего дома.

– Вы шофер? – спросила Ксюша. – Мне требуются уроки вождения.

– Больше ничего не требуется? – грубо усмехнулся Олег. – Уроки массажа не желаете?

О недавно появившейся странной компании женщин и собак среди челяди поселка ходило много слухов. Говорили, будто одна из женщин вдова, ее мужа пришили компаньоны, но он бросил ее раньше, потому что она связалась с извращенками. Развестись не успел, и теперь все богатство досталось лесбиянкам. Мужиков они на порог не пускают, собак специально завели. Прижили ребенка, нигде не работают, наследства им на всю оставшуюся жизнь хватит.

К лесбиянкам Олег испытывал естественное мужское отвращение, поэтому смотрел на Ксюшу нахально и презрительно. Но она не замечала его грубости, даже не расслышала толком, что шофер ответил. Ксюша мысленно корила себя: ну почему ей нравятся только смазливые парни? Сначала Костик. Теперь этот – усмехается, а у нее сердце в пятках бьется. Сама ведь не писаная красавица, чтобы на эталонные образцы претендовать.

– Пойдемте, я покажу вам свою машину. – Ксюша развернулась и пошла к дому.

Олег двинул следом исключительно из спортивного интереса посмотреть вблизи на сексуальных уродок.

Он присвистнул, увидев «Мерседес» последней модели. Невольно захотелось покопаться в машине, испытать ее на ходу.

Когда они вернулись после небольшой поездки, на крыльцо вышла Поля.

– Здравствуйте, – приветствовала она Олега, – не хотите расстегаев с визигой и палтусом?

Она хотела добавить, что напекла много пирогов, Левочка рыбное не жалуется, а собакам отдавать жалко. Но вовремя прикусила язык.

Олег на еде экономил, питался остатками с барского стола. И, в отличие от Левы, рыбу любил. Голодный желудок приказал ногам двигаться в дом.

При близком рассмотрении лесбиянки ничем не отличались от обычных женщин. Ребенок у них действительно один на всех. «Левочка сыночек» его зовут и обращаются с ним, будто пацан хрустальный. Вслед за расстегаем Олег отведал куриного супа с лапшой. Одновременно с поеданием и восхищением к вкуснотище он пытался определить, кто в этой семейке главный, выполняет, так сказать, мужскую функцию. Сначала ему показалось, что верховодит девушка, которая хочет научиться водить машину. Потом – что повариха. Но зашла третья, очкастенькая, и стала выговаривать:

– Куда делся факс, который мне из Мюнхена прислали? Он в гостиной на столе лежал.

– Ой, я на нем селедку разделывала! – всплеснула руками повариха.

– Безобразие! – возмутилась очкастая. – Важный документ! Они повторили мои опыты по делению клеток и прислали результаты.

«Эти тетки ребенка в пробирке вырастили», – сделал вывод Олег.

– А ты не разбрасывай документы по дому, – выступила на защиту хозяйка джипа.

– И что значит «селедка»? – кипятилась очкастая. – Кто ел селедку? Вы ели? – обратилась она к Олегу.

– Не ел я вашей селедки! – Он подавился вишневым желе, что подсунула повариха.

– Я Левочке форшмак на ужин сделала, – объяснила Поля, – с яблоком и сыром, новый рецепт.

Немного успокоившись, очкастая принялась виниться перед Олегом:

– Простите, от волнения я даже не поздоровалась. Меня зовут Ириной.

– Олег.

– Ксюша.

– Поля.

У Ирины глаза на лоб полезли – кормят человека, с которым не знакомы.

– Олег будет учить меня водить машину, – пояснила Ксюша.

– Не факт! – покачал он головой.

Его стали уговаривать в два голоса (Ксюша молчала): «Мы были бы вам признательны, нелепо испытывать проблемы с доставкой любой мелочи, когда есть машина; приходите кушать, от Левочки много остается, а собаки уже отказываются от своей пищи, разбаловались на деликатесах...»

В матриархате, понял Олег, царила полнейшая демократия и равноправие. Не будь эти женщины с отклонениями, он бы сказал, что они вполне сердечные и милые. Но связываться с извращенками? Ребята засмеют.

– Пятьдесят долларов в час, – назвал он несусветную цену, чтобы отвязаться.

– Хорошо, – быстро согласилась Ксюша. – Каждый день после обеда два часа. Устраивает?

Время Олегу подходило – Тофик с молодой женой на сиесту в спальню удалялся. И сто левых баксов в день Олег не мечтал заколачивать. За такие деньги можно и насмешки потерпеть.

Олег не любил работу инструктора. Для него обучать неумех вождению – как для академика в первый класс отправиться. Но после первых уроков с Ксюшей к материальной заинтересованности прибавилось удовольствие от общения со славной девушкой. Ксюша была, как говорится, свой парень: простая, без затей и женского кривляния. Она, конечно, скулила и тихо верещала в сложной дорожной обстановке, но делала это не жеманно-кокетливо, а точно ребенок на карусели.

Олег не монахом после развода жил. Девушкам он нравился и периодически откликался на их заигрывания. Но чувствовал себя при этом племенным быком – будь у него солома вместо мозгов, все равно бы глазки строили. Ксюша, что понятно, интереса к нему не испытывала. А жаль! Впервые в жизни Олег испытывал досаду, что его достоинства оставляют даму равнодушной.

Обычно они часок колесили по проселочным дорогам, потом делали небольшую передышку и выезжали на трассу. Во время одной из таких остановок Олег не удержался и спросил:

– Слушай, а вы не можете как нормальные женщины?

– Что? – удивилась Ксюша.

– Ну, с мужиками?

– Что с мужиками? – Она по-прежнему не понимала.

– Спать, сексом заниматься! – с вызовом, повысив голос, заявил Олег.

Огорошенная Ксюша слов не находила, только таращила глаза.

– Брось! – Олег досадливо махнул рукой. – Все знают, что вы лесбиянки.

– Кто-о-о? – Ксюша осмыслила и расхохоталась. Согнулась в поясе и от смеха всхлипывала: – Ой, не могу! Вот уроды! Ну сплетники!

Олег смотрел на нее дурак-дураком:

– Значит, вы как все? Нормальные в половом смысле?

– Естественно! – Ксюша вытерла набежавшие от хохота слезы. – Ирина и Поля замужем. Ирин муж, отец Левочки, в Америке сейчас. Мой благоверный в ящик сыграл – единственный хороший поступок с его стороны.

– Ксюш, ты, наверное, думаешь, я полный идиот?

– Частичный. – Она хитро подмигнула. – А ты давно женат?

Ксюша дала себе слово не влюбляться в Олега. Каждый день с утра и перед сном повторяла клятву, как молитву. Но что страшного, если она задаст вопрос по теме беседы?

Олег кратко поведал историю своей семейной жизни, рассказал о сыне, ровеснике Левы.

– У меня тоже дочка была, – горько вздохнула Ксюша. Она не собиралась делиться с Олегом сокровенным – нечаянно вырвалось. Слово за слово, и все ему выложила.

– Вот такая печальная история. – Она спрятала за спину дрожащие руки. – Давай сегодня на трассу не поедем? Садись сам за руль.

– Хочешь, я тебя покатаю? – предложил Олег. – Покажу, на что машина способна?

– Ладно, – кивнула Ксюша. – Ты не волнуйся, я тебе заплачу как обычно.

– Я и не волнуюсь, – буркнул Олег. Дернула его нелегкая выставить себя крохобором перед этой женщиной.

Ирина и Поля раньше Ксюши заметили, что ее отношения с Олегом теплее, чем дружба инструктора и ученика. За спиной у Ксюши подруги обсуждали кандидата в поклонники. Ирину настораживало, что он, во-первых, красив, а во-вторых, поверил глупым наветам на их счет. Полина отмечала положительные стороны – хороший аппетит. Мужчины, которые не проявляли интереса к еде, вызывали у Полины подозрение. Рискнули вызвать Ксюшу на откровенность: ты ему точно нравишься, а он тебе? В ответ получили гневную отповедь. Ксюша заявила, что таких, как она, у Олега в базарный день пучок на две копейки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.